

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

КРАЖА С ОБЛОМОМ

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина
Кража с обломом

«ЭКСМО»

2004

Калинина Д. А.

Кража с обломом / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2004 — (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

Мариша стала бояться возвращаться домой. Приходит вечером или под утро, а там – труп мужчины. И ладно бы раз, а то трижды подряд. Каким образом все эти типы попадали к ней в квартиру, не знала ни сама Мариша, ни милиция. Только потом они с подругой Дашей догадались: тут замешан бывший Маришин жених Михаил, который, как выясняется, спрятал где-то ворованные бриллианты. А где – забыл, потеряв память от сильных переживаний. Может, у Мариши?.. За ней и ее бывшим женихом начинается охота жадных «кладоискателей». Но недолго лежать камешкам в потайном месте...

Дарья Калинина

Кража с обломом

Нельзя сказать, чтобы Мариша была особой совсем уж легкого поведения. Но жизнь наша, сами знаете, какая. И как, скажите, выжить одинокой девушке, которая к тому же не удосужилась вовремя обзавестись престижным и потому высокооплачиваемым образованием, если она не имеет богатого покровителя? Но богатые, а главное, щедрые покровители встречаются не так уж часто, во всяком случае, реже, чем это можно заключить из чтения дамских романов. Там-то они попадаются на каждом шагу и доводят главную героиню просто до умопомешательства: она никак не может решить, кого ей предпочесть, поэтому чаще всего оказывается с носом и выходит замуж по любви. Но то в романах, а в жизни все не так, господа с толстыми кошельками не торопятся с содержимым этих самых кошельков расставаться. Поэтому лишь одним покровителем Марише было ну никак не обойтись. И, даже обеспечив себя двумя-тремя постоянными, Мариша не чувствовала себя застрахованной от возможных неувязок. Вот и сейчас один из ее друзей отзвонился ей. И ладно бы просто так или для того, чтобы узнать, как ее драгоценное здоровье и настроение, нет же. Заявил, что запланированная встреча отменяется из-за его просто катастрофической занятости, и был таков.

Мариша повесила трубку и призадумалась. В связи с тем, что отмененное randevu предполагалось в кафе, Мариша не стала обедать дома, а ведь уже наступило время ужина.

– Катастрофа, – сообщила она своей кошке, заглянув в девственно-чистый холодильник и прихлопнув дверью невесть откуда явившееся усатое насекомое и свои надежды на кое-какой домашний ужин.

Двое оставшихся в резерве приятелей в дело сегодня употреблены быть не могли. Один был припахан суровой супругой присматривать за ребенком, а другой, по своему обыкновению, болтался где-то между Мадридом и Таганрогом. Свои перелеты он не планировал заранее, как делают все нормальные люди, а назначал их стихийно, повинувшись зову ветра в небе или, что более вероятно, властному велению своей чековой книжки.

Что оставалось Марише? Оставалось пойти на панель. Впрочем, можно выразиться более деликатно, но суть от этого не поменялась бы, а перед самой собой Мариша не видела нужды лицемерить. Но этим злоключения вечера не закончились, они, можно сказать, только начались.

– Оказывается, у меня больше проблем, чем я предполагала, – заметила Мариша, адресуясь к равнодушному пространству своей квартиры и не менее равнодушной Дине, своей кошке. Полки шкафа горько разочаровали Маришу отсутствием пусть одной, но целой пары колготок, не говоря уж о такой ценной вещи, как чулки с подвязками. – Но на улице ведь лето, – бодро отметила затем Мариша, – значит, вовсе не обязательно напяливать всю эту сбрую на себя. Пойду а-ля натюрель.

Марише порой случалось впадать в крайности по части одежды. Поэтому она привычно натянула только синий сарафан в крупный белый горох не только на идеально голое, но и очень чистое тело. Даже волос на нем не было. Они были еще несколько дней назад весьма тщательно удалены кремом, и теперь Маришины ноги покрывала нежная щетинка вновь отрастающих волосков. Дефект, о котором Маришу в магазине забыли предупредить. Но сегодня свои ноги трогать Мариша никому и не позволила бы. И крем на них наносить тоже. Этим Мариша занималась сама, не доверяя любовникам. Она и вообще редко им доверяла, что отнюдь не говорило об отсутствии их достоинств. Просто достоинства свои они, будучи людьми скромными, не выпячивали, а, напротив, всячески берегли от постороннего глаза. А уж Марише и вовсе стыдились продемонстрировать, видимо, опасаясь унизить ее сознанием их неоспоримого перед ней превосходства.

– Ну, Дина, – обратилась Мариша к своей кошке, которая буквально только что вернулась, очень довольная, со своих кошачьих посиделок, – ты остаешься на хозяйстве.

Дина не возражала. Она была очень покладистой кошкой, а может, ей было на все плевать. Маришу возвращение кошки взбодрило и воодушевило. Она увидела в нем доброе предзнаменование. У Дины было чутье на готовящиеся застолья. Она обычно появлялась, когда предполагала застать в доме еду или ожидала поступление таковой в хозяйские закрома в самое ближайшее время. Кто-то может усомниться, но Дина редко промахивалась. Повинуясь внутреннему голосу или оттенку закатного неба, она, как хорошо воспитанная кошка, всегда приходила за час-другой до того, как еда возникала в доме, чтобы не дать повода заподозрить ее в низменных инстинктах. Но все почему-то подозревали. Сейчас жратвы в доме не было, а Дина была. Выводы, как говорится, напрашивались.

Итак, Мариша с легким сердцем вышла в люди. Люди ее не порадовали. Каждый второй припозднившийся мужичок был навеселе, а стало быть, годился для ее целей, если бы не состояние бумажника. Нет, искать следовало подальше от дома, где-нибудь на Бродвее или в крайнем случае на Староневском. Маришин желудок подсказывал, что это именно так.

Пересчитав деньги, уцелевшие от последнего кутежа в дружеском кругу, Мариша убедилась, что их хватит либо на стакан сока в престижном месте, либо на кружку пива в заведении средней руки. Или можно было положиться на волю случая и не связываться ни с какими кафе, а просто неторопливо прогуляться по улицам. И если в течение пары часов ужин не наклюнется, пропить их в какой-нибудь грязной пивнушке. Но Мариша сомневалась, что такое возможно с ней. Она была уверена в себе, начиная от носков плетеных кожаных туфелек и кончая нежной россыпью веснушек на слегка вздернутом носу. Ни один мужчина, находящийся в здравом рассудке, не смог бы проскользнуть мимо ее пышной белокурой гривы, если бы Марише вдруг потребовалось его внимание.

Итак, собой-то Мариша была довольна, а вот встречающейся дичью не очень. Попадалась по большей части мелочь и голытьба, с которой не стоило связываться, чтобы не потерять время на бесплодные разговоры.

– Пошли с нами, милашка, – окружила Маришу компашка бедовых студентов в потертых джинсах.

– Щас, – ответила Мариша со скептицизмом, который сделал бы честь и характерному актеру, и отправилась дальше, игриво покачивая белой сумочкой. И наконец...

– Девушка, подойди, не бойся. Не обижу.

Голос раздавался из роскошного «Мерседеса», который притормозил возле Мариши. Она отогнала секундное сомнение и подошла, бормоча под нос:

– А зачем я здесь, собственно говоря?

– За сколько прокатишься со мной? – поинтересовался голос, чей обладатель был даже не очень уродлив, что, в общем-то, неважно.

Мариша прикинула размеры своих поднакопившихся платежей, приплюсовала сюда старые и новые долги, накинула процент за риск и ровный загар своих длинных ног и сказала:

– Сто баксов.

Мужик присвистнул и задумал подлость. Это было видно по замаслившимся глазкам. Подлостью Мариша называла многое, но главной подлостью она считала обман. Сейчас Мариша не успела толком оформить свои подозрения в осмысленную форму, как мужик уже скомандовал:

– Забирайся.

Он подвинулся, дав Марише местечко на переднем сиденье. Мариша, даже не успев толком подумать, что же она, дура, делает, плюхнулась в машину, стараясь выглядеть при этом по возможности элегантно. Машина была блестящая, черная, стекла в ней были черными, двое парней на заднем сиденье были тоже «черными».

«Кажется, я влипла, – расстроилась Мариша. – Как не вовремя».

А вслух она спросила деланно-невинным тоном:

– К вам едем или ко мне?

На самом деле любой ответ на этот вопрос таил в себе уйму пищи для Маришиных размышлений.

– К нам. У нас места полно, а мебели мало. Снимаем квартиру, – ответил парень на таком ломаном русском, что о смысле его речей можно было только догадываться.

Но Мариша уяснила главное. А именно – эти люди, которые не могут позволить себе купить квартиру и прилично ее обставить, вряд ли будут тратить деньги на то, что они могут получить бесплатно.

«Я не планировала сразу троих, я вообще несколько не планировала, отдаваться кому-либо сегодня я не собиралась», – грустно прикидывала Мариша, которая предпочитала традиционное число участников. Она все еще относилась к сексу с почтением язычницы и не хотела бы менять свое к нему отношение прямо сейчас и в обществе этой неприятной тройки.

Мариша оглядела себя. Она хотела убедиться в том, что если ей придется рвать когти, то экипировка ее не подведет. Туфли были – очень удачно – на низком каблуке, сарафан движений не сковывал, в сумке не было ничего, кроме упаковки презервативов на самый крайний случай и фальшивого студенческого билета, а стало быть, сумка была легкой.

А между тем их машина миновала относительно цивилизованный центр города и мчалась по совсем уж невообразимым в своем состоянии постоянной реконструкции улицам уже не совсем центра, но еще и не новостроек. Еще незначительный отрезок времени, и машина въехала в район послевоенных застроек Черной речки. Мариша поняла, что если она не возьмет инициативу в свои руки, то для нее все закончится очень скоро и несогласно ее надеждам.

«Никогда у меня не выгорали дела, если бывали связаны каким-то образом с Черной речкой. Пока не вижу оснований думать иначе», – подумала Мариша и сказала:

– Хочу выпить. Мы ведь будем пить?

– Конечно, – горячо откликнулся водитель.

«Черные» парни на заднем сиденье не воодушевились от Маришиного предложения. Они явно принадлежали к категории любителей травки. Мариша траву тоже употребляла и с не меньшим удовольствием, чем, скажем, пиво, но для ее теперешней цели трава не подходила. Ее не купишь так просто, а спиртное есть в каждом ларьке. Выйдешь из машины за покупкой, а там, глядишь, подвернется шанс слинять без досадных объяснений.

– Дома нас ждет коньяк и море пива, – посвятил Маришу в тайну вечеринки водитель.

– Я люблю ликер, – капризно протянула Мариша, надув губки для вящей убедительности.

Она уже сориентировалась в обстановке, и весь ее теперешний облик говорил о том, что без ликера она не работник.

– Купи девочке ликер, если ей так хочется, – подал голос один из восточных мальчиков. – Какой ты любишь?

Тут Мариша пустилась в туманные и многословные объяснения, из которых с трудом можно было понять, что она не помнит названия, но берется указать бутылку в магазине по памяти. Объяснение прозвучало убедительно, Мариша уж постаралась.

После покупки ликера, который Мариша разыскивала как можно дольше и безуспешнее, последовал поиск особой марки сигарет. Все дело в том, что Маришу вызвали сопроводить все трое и ни на минуту не выпускали ее из своего тесного круга. Если внимание двоих отвлекли соблазнительно разложенные товары, то один уж точно был рядом с Маришей. Вырваться из их лап, не учинив при этом некрасивого скандала, никак не получалось. Она уже стала приучать себя к мысли, что все неизбежное нужно принимать безропотно, но тут в ответ на ее горячие мольбы к небу ей была спущена оттуда тоненькая веревочка.

– Здорово, – раздался над ее ухом мужской хрипловатый голос.

Мариша удивленно воззрилась на рослого мужика, неожиданно возникшего над ней. Она не могла сказать с уверенностью, встречались они раньше или нет, но уж точно она его не помнила. В дальнейшем, правда, выяснилось, что и не о ней, собственно, речь. Мужик кинулся с изъявлениями в вечной дружбе к ее пастухам. Пока те обнимались, целовались, жали руки, пританцовывая на месте от взаимных восторгов, вызванных столь неожиданной и приятной для них встречей, Мариша скромно, не сказать чтобы очень уж поспешно, отступила в тень, потом еще глубже. Кинув последний опасливый взгляд на шумную компанию, она убедилась, что им всем не до нее, и с легким сердцем поспешила прочь.

«Не очень-то продуктивно начинается рабочая смена. И чего я ударилась в панику? – корила себя Мариша, идя по улице и продолжая сжимать в руке бутылку кофейного ликера. Сигареты она уже давно устроила на жительство к себе в сумку. – Может быть, они бы мне и заплатили».

Но что-то настойчиво ей подсказывало, что она поступила абсолютно правильно. Совесть почему-то тоже одобрительно отзывалась о том, что ее хозяйка так непрофессионально отнеслась к интересам своих клиентов. Хотя какие из них клиенты, если деньги еще не перешли из их рук в Маришины.

Итак, разжившись ликером и сигаретами, Мариша вернулась в центр. Теперь она была вынуждена зорко поглядывать по сторонам, не покажется ли где поблизости от нее «Мерседес» мрачной окраски. Повторное свидание с его водителем и обманутыми в своих надеждах пассажирами не входило в число запланированных на ночь дел. Но все было пока спокойно.

Следующей жертвой оказался почти мертвецки пьяный скандинав. Мариша питала стойкое предубеждение к финнам, основанное на их природной бережливости, особенно же она терпеть не могла, когда принимались экономить почему-то именно на ней. Но этот финн что-то бормотал про родную Норвегию. Оставалось только непонятным, то ли он там родился, то ли вырос, то ли надеется успокоиться вечным сном в земле предков. Но он остановился в гостинице «Листопад», которая находилась совсем рядом, а сам скандинав был добродушно неуклюж, совсем как медведь, и почти не вонял.

Номеру, который он занимал, не помешал бы основательный ремонт или хотя бы уборка. Потолок облупился, бумажные обои поистерлись, дерево пола скрылось под толстым слоем грязи, который при ближайшем рассмотрении оказался ковром. Но Марише и не к такому не привыкать стать, поэтому она отнеслась философски к гостиничному убожеству. Из обстановки глаз радовала только широкая кровать. Норвежец, как только она ему попала в поле зрения, сразу же пробормотал, обращаясь к Марише:

– Давай поспим минуточку.

С этими словами он завалился на кровать, которая жалобно застонала под его весом, и мгновенно уснул.

– Ну, и как мне теперь быть? – вознегодовала Мариша, ни к кому конкретно не обращаясь.

Тем не менее она заботливо стянула с норвежца ботинки, но тот в ответ на ее заботы только благодарно простонал, перевернулся на другой бок и заснул еще крепче, счастливый, сжимая в руках подушку.

– Если ты доволен, то я, пожалуй, пойду, – предложила Мариша.

Норвежец не возражал.

– Только я бы взяла у тебя немного денег на такси и прочее.

Норвежец и тут не выразил протеста. Мариша, очень довольная тем, как быстро они пришли к взаимопониманию, обшарила его карманы на предмет наличности. Ее было немного. Несколько мятых долларов и одна десятка.

– Я возьму эти деньги, и заметь, я не тронула твою кредитку.

Во-первых, Мариша не удосужилась до сих пор научиться пользоваться этими чудесными кусочками пластика, а во-вторых, у нее могли возникнуть проблемы с совестью и милицией, если бы она ее все-таки взяла. Критерии, по которым совесть оценивала Маришины поступки, варьировались в зависимости от ситуации, но милиция в этом вопросе всегда проявляла завидное, но совершенно неоправданное, по мнению Мариши, постоянство.

– Ну что же, – сказала Мариша сама себе, благополучно выбравшись из гостиницы. – У меня есть пачка сигарет и бутылка ликера. Но я недавно и с таким трудом бросила курить, а ликеры я терпеть не могу. Еще есть деньги, но это одно название, так их мало. Придется рискнуть еще раз. Ничего не поделаешь. Возможно, третья попытка окажется счастливой.

В какой-то мере ее надежды оправдались. Третьим клиентом оказался степенный дядечка, который отвел ее предварительно в пивной ресторан, где зачем-то поил коньяком. Ну кто пьет коньяк в пивной? На Маришу коньяк всякий раз оказывал странное воздействие: она начисто выпадала из действительности. То есть помнит, как пошла первая рюмка и вторая, а потом полный провал в памяти. Сегодня не было исключением. Мариша немного пришла в себя только на улице. Дядечки рядом не было, он куда-то таинственно пропал после четвертой рюмки, а денег прибавилось. Но, пересчитывая их, Мариша никак не могла взять в толк, какого рода услугу она оказала дядечке за эту несуразную сумму с мелочью. Денег было не то чтобы мало, но все они были какие-то мелкие.

– Сдачу я ему давала, что ли?

Но решение этого вопроса следовало отложить на будущее, так как асфальт кружил все быстрее и быстрее. Надо было ехать домой. Мариша немного поплескалась в фонтанчике перед гладкими колоннами Казанского собора, попутно изумившись тому, как она тут очутилась, и ее потянуло домой со страшной силой.

Она умиленно вспомнила про свой уютный мягкий диванчик, на котором, такая уставшая, сладко вытянется в заслуженном одиночестве и сможет поспать или помечтать без тревог за завтрашний день, а можно и перестелить кровать, и там тоже будет очень славно. С этими приятными мыслями она поймала машину и столкнулась с очевидным всем, кроме нее, фактом, так как за нее последние месяцы всегда и везде платили, – инфляцией. Почти четверть заработанных неизвестным способом денег ушло на поездку домой. Настроение у Мариши от этого не улучшилось, и когда она поднималась к себе, то единственное, что ее сейчас радовало, было то, что ее ждет славный диванчик.

Но даже в этом невинном удовольствии сегодня Марише было отказано! Диванчик оказался занят, и нельзя сказать, что этот кое-кто, занявший законное Маришино место отдыха, здорово им наслаждался. Дело было в том, что этот кое-кто по роковой небрежности умудрился приютить у себя в груди кинжал и, прикрыв лицо подушками, от досады скончался.

На шкафу сидела вконец ошалевшая Дина, орала дурным голосом и тарасилась на хозяйку желтыми глазами, которые у нее от ужаса стали совсем как плоски.

– Как это понимать, Дина? – строго спросила у кошки Мариша.

Естественно, не получив от кошки ответа, Мариша поняла, что во всем разбираться, как ни крути, придется ей самостоятельно. Падать в обморок по таким пустякам, как свежий труп в ее постели, она не собиралась. Хотя почему свежий? Может быть, его возят с места на место уже несколько ночей, а днем хранят в холодильной камере. Но тут Мариша сообразила, что пятна крови со временем буреют, а ее разобранная постель была испещрена алыми брызгами. Приходилось признать, что труп свеженький. Тут даже железные нервы Мариши потребовали тайм-аута.

«Пойду-ка я на кухню и посижу там, – решила Мариша, – а когда что-нибудь прояснится, вернусь. Главное – не пороть горячку».

Идея была, бесспорно, хороша. Мариша открыла кран с холодной водой, чтобы дать ей стечь, и газ. Потом она чиркнула спичкой и поднесла ее к струящейся воде. Пустой чайник она

поставила на пышущую газом плиту. И в полной уверенности, что она отлично справилась, присела возле стола.

«Интересно, кто это может быть? – размышляла Мариша, задумчиво грызя черствый сухарик. – И как он попал в квартиру?»

Пойти и посмотреть, кто это на самом деле, она была еще не готова. И еще она подумала, что давно пора было сменить замки или хотя бы стать более собранной и помнить, запирала она дверь перед уходом или просто ее прикрыла. Как этот некто мог попасть к ней в дом, если никому из подозрительных личностей ключей не давала, а давала исключительно людям милым и порядочным.

Поломав над этой загадкой немного голову, Мариша почувствовала, как начинает ухудшаться ее самочувствие. Виски ломило, горло саднило.

– Ну, вот, – расстроилась Мариша, – еще к тому же начинается грипп. – Голова тяжелая и кружится, озноб и явно ползет температура. Почему так все одно к одному? Когда и, главное, где мне болеть, если место занято?

Тут она кинула рассеянный взгляд на газовую плиту, которая стояла и воняла буквально у нее под носом – такая маленькая была кухня. Мариша все так же механически, как перед этим включила, вернула ручку газа в исходное состояние, отметив при этом, что вода в чайнике, похоже, вся выкипела. Поэтому она решила наплевать пока на строптивый чайник и выпить чего покрепче. Обстоятельства к тому располагали.

Канистра спирта была почти пуста. Мариша в этом убедилась, встряхнув ее пару раз у себя над ухом. Однако удалось нацедить полстакана прозрачной жидкости светло-золотистого цвета, так как спирт был коньячный. Гадость редкая, но Мариша мужественно сделала пару глотков. Газ к этому времени уже почти весь улетучился в раскрытое окно, поэтому Мариша ощутила немедленное улучшение самочувствия и, приписав это действию напитка, вылебала остаток спирта. Спирт, совершив круговорот по ее организму, грел и толкал к действиям.

«Пора разобраться, кто это там развалился», – воинственно решила Мариша.

Но в двух шагах от постели ее снова охватила робость. Полезли всякие мысли про отпечатки пальцев и о том, что их необходимо сохранить или, наоборот, уничтожить. Стало быть, имелось два варианта того, как избавиться от ненужного тела. Первый был бы идеален, если бы не Маришина ночная работа, ибо способ был тесно связан с милицией, а второй подразумевал участие заинтересованного лица мужского пола для того, чтобы вынести все тот же труп куда подальше.

Мариша аккуратно взяла трубку носовым платком, чтобы не уничтожить чертовы отпечатки, и позвонила любовнику, который должен был быть у себя дома на хозяйстве. Но там никто не подошел.

– Свинья какая! – разозлилась Мариша. – Небось слинял на пьянку к друзьям.

Разозлилась она, естественно, не на то, что тот отправился погудеть, а на то, что это произойдет без нее. При этом Мариша напрочь не учитывала времени суток. А между тем ночь близилась к концу, и злиться уже было бесполезно. Оставался беспроектный вариант с милицией. Уж она-то, родимая, всегда на посту и не дремлет.

С омерзением посмотрев на труп, из-за которого она попала в такую немыслимую ситуацию, что вынуждена прибегнуть к помощи милиции, Мариша подняла трубку и набрала – «01». Как и следовало ожидать, в милицию она не попала.

– Это недобрый знак, – мрачно провозгласила Мариша.

Дина, все еще остававшаяся на шкафу – ей там казалось безопаснее, чем внизу, – молча согласилась. Но делать было нечего. С внутренним трепетом Мариша набрала следующую цифру, и ей посчастливилось.

– Милиция слушает.

– Знаете, у меня тут труп в квартире, – робко призналась Мариша – весь ее хмель улетучился.

– Адрес, – ничуть не удивившись, потребовали на другом конце провода.

Мариша сказала адрес и еще много чего другого про себя. Например, свое социальное положение и возраст.

– Ждите. Машина выехала.

«Какой кошмар! Зачем я их вызвала? Надо немедленно все отменить!» – в ужасе решила Мариша, но тут же, представив, как она звонит в отделение и объясняется, мол, ошибочка вышла, поняла всю несостоятельность этой идеи.

В канистре оставался еще спирт, поэтому Мариша затормозила возле нее и глотнула еще. Захотелось покурить. Вспомнив про заныканную пачку, Мариша по аналогии вспомнила и про бутылку ликера.

– Какая я дура! – проникновенно воскликнула она, и это было очень вообще-то близко к правде, хотя Мариша и соотнесла свое заявление только со своей забывчивостью.

Ликер она спрятала в аптечку, среди анальгина и мультивитаминов он славно вписался. Потом она подумала, что если уж она вызвала ментов, то они почти наверняка приедут и, конечно, все тут перевернут. Так уж у них водится. А не найдут ли эти проныры чего-нибудь противозаконного? То есть за себя Мариша была почти уверена, но кто поручится, что кто-нибудь из ее многочисленных друзей не устроил в ее квартире склад чего-нибудь маленького, но преступного, например, наркотиков. Мариша не стала долго мучить себя сомнениями, а сама произвела обыск. Она нашла только немного анаши, которую забыли так давно, что коробок покрылся толстым слоем пыли. Что делать? Выкинуть у Мариши рука не поднималась. Пришлось набить сигарету пополам с табаком и выкурить.

Мариша добросовестно уничтожала остатки наркотика, когда в дверь позвонили. Не выпуская сигареты из пальцев, Мариша, лишь немного покачиваясь, отправилась выяснять, кто это может быть так некстати. За дверью стояла милиция. Не вся, конечно, лишь двое ее представителей, но и их было достаточно для того, чтобы Мариша поперхнулась втянутым дымом прямо в лицо первому милиционеру.

– Курить вредно, – сообщил тот, не обратив внимания или, может, не почувствовав необычного запаха.

Зато второй не преминул его отметить.

– Чем это у вас пахнет? – спросил он.

Мариша растерялась.

– Газом вроде, – подозрительно продолжил мент.

Мариша развела руками: дескать, может, и газом, разве за всем уследишь – и насчет запахов успокоилась.

– Что у вас случилось? – сварливым тоном вызванного сантехника спросил первый, облокотившись на косяк таким образом, что та часть комнаты, где находилась кровать с трупом, оставалась вне поля его зрения. Ребята были молодые, Мариша привлекательной, и опера начали проявлять признаки заинтересованности ее вызовом.

– Вот, пожалуйста, посмотрите, – пригласила их Мариша в комнату.

Они вошли, по очереди поведя на нее игривым глазом, и мигом позабыли обо всех земных радостях, углядев тело на кровати.

– Ничего не трогать! – было приказано Марише, которая хотела обратить их внимание на то, что если бы она хотела поковыряться в трупе, то сделала бы это, не дожидаясь приезда милиции, но не стала.

Квартира удивительно оперативно заполнилась людьми с фотовспышками, прозрачными пакетиками и угольным порошком. Словом, все до крайности напоминало отечественные детективы и тем угнетало.

– Вам знаком пострадавший?

Мариша, у которой как раз сейчас начали снимать отпечатки пальцев, отлепилась от этого в высшей степени увлекательного занятия и посмотрела с недоумением на говорившего. Как-то до этого времени она не предполагала, что убитый может быть ей знаком. Ее друзьям полагалось находиться под постоянной и неусыпной опекой провидения, и, стало быть, что-то плохое с ними случиться просто не могло, а без ее, Маришиного, ведома и тем более. Поэтому она и отнеслась так хладнокровно к появлению трупа у нее в гостях. Им мог быть только незнакомый и наверняка страшно надоедливый тип, если довел кого-то до ручки. Хотя, конечно, оставался неясным вопрос, как же этот тип все-таки сюда проник, будучи человеком посторонним. Но неужели бы ее друзья не могли выбрать себе более подходящее место для того, чтобы сводить счеты с жизнью?

Вытерев перепачканные пальцы обо что-то очень кстати подвернувшееся под руки, кажется, это была ее выходная блузка, она подошла к кровати. Подушки с трупа уже забрали, и теперь ничто не мешало всласть поглазеть на покойного. Марише волей-неволей пришлось кинуть взгляд, и в тот же момент она оцепенела. Милостивые небеса, прямо перед ней разлегся ее любовник, которому полагалось сейчас быть за тридевять земель отсюда и совершать успешные банковские сделки!

«Вот она, великая сила инстинкта. Даже умирать приперся туда, где ему сладко было», – догадливо подумала Мариша, без сил опускаясь на ковер.

При этом ее лицо оказалось на уровне лица ее бывшего любовника, и она еще критически отметила, что он какой-то весь помятый, совсем, видно, не следил за собой в последнее время.

«Но о чем я думаю?» – спохватилась Мариша, и, словно прочтя ее последнюю мысль, предупредительный молодой лейтенант спросил у нее:

– Ну как? Узнаете?

– Так сразу и не скажешь, – туманно и задумчиво проронила Мариша, всем своим видом стараясь продемонстрировать искренние намерения помочь следствию, которых на деле не испытывала. – Но, определенно, я его где-то видела.

– А что же вы так побледнели? – допытывался молодой лейтенант, которому по долгу службы приходилось во всем сомневаться, а тут попалась такая благодатная почва для сомнений.

– С непривычки, – любезно пояснила Мариша, думая о том, почему она сразу не призналась, потом будет трудненько объяснить им, как это она сразу не узнала человека, с которым тесно общалась в среднем два раза в неделю в течение последнего года.

– Если вспомните, где встречались с убитым, сообщите.

После этого заявления он ей наговорил еще массу организационных вещей, велел не уезжать из города, намекнул, что иногда чистосердечное признание смягчает вину и уж точно облегчает работу милиции. То есть всячески взывал к голосу ее разума, но все без толку. Мариша твердо встала на несправедный путь лжи и сходить с него не собиралась, хотя никакой выгоды в этом для себя не видела.

– Что вы делали с десяти вечера до трех утра?

«Ну, вот, – тоскливо подумала Мариша, – началось, какие они все-таки бестактные люди».

– Я бродила по нашему чудному городу. Белые ночи и разведенные мосты, и ...

На этом месте в описании Мариши возникла пауза, потому что в углу под потолком, прямо под головами суетящихся сотрудников, появилась точная копия мирно лежащего на диване тела и сердито погрозила Марише пальцем. Дескать, знаем, как ты, милочка, белые ночи встречаешь. Сами там проезжали и вас неоднократно видели.

«Померещилось», – с облегчением подумала Мариша, когда призрак растаял в неясном свете занимающегося дня.

– И что? – нетерпеливо переспросил ее молодой лейтенант.

– И... Послушайте, вы ничего необычного вон там не видите?

Молодой лейтенантик посмотрел, куда она показывала, потом перевел взгляд на нее, и Мариша поняла, что он очень невысокого мнения о ее психической пригодности в качестве свидетеля, и Мариша больше бы его устроила в роли жертвы.

– Вы бы больше не пили. Утро уже, а вы лыка не вяжете, – то ли посоветовал, то ли посочувствовал лейтенант.

– Я просто в шоке, – возмутилась Мариша. – Если вам не привыкать находить по возвращении домой у себя в постели трупы, то для меня это в диковинку пока еще. Но будьте уверены, что после еще двух-трех подобных случаев я буду сохранять такое же ледяное спокойствие, как и вы. А кстати, не хотите ли выпить рюмочку?

– А разве еще что-то осталось? – с плохо скрытой иронией, которой Мариша, впрочем, все равно не уловила, спросил молодой лейтенантик.

– Конечно! – горячо воскликнула Мариша, извлекая из супницы початую бутылку «Смирновки», про которую вспоминали всегда только под самый занавес, благодаря чему она и сохраняла в себе немного веселящей сердца влаги. И прежде чем ее успели остановить, она плеснула себе и всем остальным, кому посчастливилось быть в комнате. Роковая бутылка сделала свое дело, потому что не могла же Мариша в самом деле из-за одной рюмки, пусть даже выпитой ею на брудершафт с молодым лейтенантом за здоровье его же мамы, так расчувствоваться? Но тут Маришу потянуло излить душу, и как на грех окрест не нашлось ни одного человека, который бы являлся лицом беспристрастным, поэтому-то Марише и пришлось удивлетвориться первым согласившимся ее выслушать представителем закона. Сначала он слушал ее весьма внимательно, Мариша даже и не смела надеяться на такое внимание, но так продолжалось всего какие-то жалкие полчаса, а потом он начал проявлять признаки нетерпения и прерывать поток ее воспоминаний дурацкими вопросами, утопая в лавине имен, дат и родственных связей, в которых Мариша путалась даже в трезвом состоянии.

– Так кто же все-таки из ваших знакомых мог располагать ключами от вашей квартиры? – в очередной раз был перебит путаный Маришин рассказ.

– Ну, во-первых, они были у бывших владельцев квартиры, – начала загибать пальцы Мариша.

– Вы не поменяли замки? Почему?

– Во-первых, нечего красть, – начала отсчет по пальцам другой руки Мариша. – Во-вторых, у меня все руки не доходили, а в-третьих, хозяева эмигрировали в Америку, и я подумала, что навряд ли они вернуться, чтобы посетить свою бывшую квартиру. Да и ключи у них оказались по недоразумению, я забыла, что мы должны с ними встретиться, чтобы передать их мне, а на следующий день они улетели. Но их имена вам ничего не дадут. Вы настаиваете? Хорошо, дам.

Покончив с объяснением причин своей бесхозяйственности, Мариша вернулась к основному вопросу.

– Потом, есть пара ключей, которые я потеряла на прошлой неделе. Причем странно как-то получилось. Вечером, когда я вернулась домой, они точно были при мне, потому что в квартиру-то я попала, а утром я нигде не могла их найти. Перевернула все вверх дном, и...

– Кто-то был с вами в ту... хм, в то время?

«Безусловно, кто-то был, но я ума не приложу, кто именно, – подумала про себя Мариша. – Все так запутано. Зачем же я столько выпила?»

После этого она решительно сказала:

– Он тут ни при чем.

– Но кто он? – заволновался работник угрозыска.

«Какая навязчивость! – раздраженно подумала Мариша. – Что он в самом деле думает себе? Если бы я помнила, то разве бы не рассказала? Ведь это в моих же интересах».

А вслух она произнесла:

– Я, к сожалению, не помню, как его зовут, – и мысленно поаплодировала себе, дескать, ловко выкрутилась, а то бы пришлось сознаваться, что вообще ничего не помнит, а так вроде только маленький кусочек выпал из памяти.

– Если вдруг вспомните что-нибудь, то не забудьте поставить нас в известность, – сухо-вато проронил молодой работник, у которого была дивная фамилия – Доронин.

Она ему на редкость подходила, потому что, несмотря на молодость, у него была явно выражена склонность к полноте. Когда он сердился, то краснел и раздувался, в общем, очень забавно выходило, поэтому Мариша напряглась и вспомнила, что и у ее гостя, ушедшего, по всей видимости, с ее ключами с прикрепленным к ним фарфоровым мотыльком, на крыльях которого были розовые с белым разводы, фамилия тоже дивная и что, восхитившись ею, она ее даже записала вместе с номером его телефона на клочке бумаги. Но вот беда, она не помнила, как выглядит тот клочок и куда она его, собственно, сунула. А потому Мариша разнервничалась, так как не хотела показаться совсем уж душой, хотя при данных обстоятельствах это был не худший вариант.

– Сиреневый пудель был у моего жениха, – ляпнула Мариша и поспешно прикусила язык, но было поздно, так сказать, снявши голову, по волосам не плачут.

– А где же он сейчас? – мигом оживился Доронин, как только переварил сиреневого пуделя.

По правде говоря, жених, будучи москвичом, сидел в «Матросской тишине», но Мариша сомневалась, что этот факт надлежит обнародовать именно сейчас, но пришлось. Как ни странно, Доронин сразу же потерял к нему всякий интерес.

– Это все, что касается ваших плодovitых ключей?

– Да, – понуро ответила Мариша.

– Но, может быть, вы давали кому-то свои ключи на время, достаточно долгое, чтобы те люди успели, уже без вашего ведома, сделать дубликат? – настаивал Доронин.

– Тогда под подозрение попадает слишком много людей.

– Вы очень легкомысленная девушка, – отметил Доронин.

– Просто меня учили доверять людям, – лицемерно заявила Мариша – никто из ее родных в жизни не заикался о таких глупостях.

– Видимо, вы доверяли не тем, – констатировал Доронин.

На это Марише было нечего возразить. Доказательства правоты его слов были налицо, и их очертания все еще отчетливо просматривались в смятых простынях.

«Зря я про это вспомнила, – посетовала Мариша на себя. – Нельзя погружаться в воспоминания, это еще никогда не приводило к добру».

Но на этот раз ей повезло, так как, не успев погрязнуть в воспоминаниях, она буквально на поверхности их выудила одну сцену, но зато с двумя действующими лицами. Оба – женского пола, и одна женщина передавала другой ключ от своей квартиры, предоставляя крышу для свидания с возлюбленным. Та, что давала убежище влюбленным, была она – Мариша.

– А ведь ключи с красным стеклянным бегемотиком она мне так и не вернула, – сообщила Мариша заинтригованному Доронину, стыдливо умолчав о том, что любовник оказался ее собственным, и его Марише тоже не вернули.

– Почему вы это раньше утаили? – сурово нахмурился Доронин, которому по его статусу полагалось всех подозревать, чем он и занимался.

– У меня в подсознании почему-то отложилось, что убийца может быть только мужчиной, – с готовностью принялась объяснять Мариша, которую потянуло поболтать. – Орудие убийства больше подходит мужчине, чем женщине, поэтому я перебирала в памяти сначала

только мужчин, которым я давала ключи. А так как за мою жизнь их у меня поменялось несметное количество, то упомянуть всех было задачей не из легких. До женщин очередь дошла только сейчас.

Доронин кинул на нее странно задумчивый взгляд, но никак не прокомментировал ее откровения, сказал только:

– Вашего гостя сначала ударили ножом сзади и в бок, и этот удар проник в сердце и послужил, по всей видимости, причиной смерти. Убийца находился за спиной у своей жертвы, а все последующие удары были нанесены скорей всего уже труп, но даже если это и не так, причиной смерти эти удары быть не могли, так как носят чисто поверхностный характер и важных для жизни органов не задевают. Узнаете орудие убийства?

Мариша кинула испуганный взгляд на предмет, который ей протягивал Доронин, испугалась еще больше, и даже цвет ее лица слегка изменился. На это было множество причин, но основная та, что нож, ею ошибочно принятый сначала за кинжал, она на самом деле прекрасно знала. И не спутала бы его ни с одним другим кухонным ножом, так как его рукоятка была испещрена выжженными на белой пластмассе фигурками деятельно совокупающихся лошадок – их Мариша выжгла собственноручно еще в те далекие времена, когда училась в школе. Помнится, она отнесла свое изделие на выставку «Умелые пальчики», но экспонат вызвал дружный протест всего педколлектива и был отклонен от участия в выставке. После такой неудачи Мариша долго, но тщетно пыталась пристроить свое творение в качестве подарка в какой-то дом – пусть хорошие люди порадуются. Но люди упорно отказывались радоваться. Наконец ее бабушка с папиной стороны, которая к старости стала плохо видеть и еще хуже соображать, согласилась принять его в дар. Но в начале года добрая старушка ушла в мир иной, а при дележе наследства (так как никому из наследников не хотелось всю рухлядь тащить на помойку одному, поэтому потребовался дележ) нож не обнаружился. То ли бабушка его переподарила, то ли куда-то задевала, а то и просто выкинула. С нее стало бы просто выкинуть это произведение искусства. Ведь соображала уже плохо.

Обо всем этом Мариша чистосердечно призналась Доронину, и напрасно, потому что он немедленно сделал для себя выводы, и они были явно не в пользу Мариши.

– Значит, вы могли завладеть орудием убийства, когда вы, предположим, навещали свою родственницу при ее жизни или после таковой?

Маришу его подозрения смертельно оскорбили.

– Да чтоб я ограбила свою дорогую бабулю, в которой души не чаяла, невзирая на ее странности! – воскликнула она.

Это была не совсем правда, но сейчас Марише казалось, что никого ближе бабки с папиной стороны у нее не было.

– И зачем мне тайком красть у нее этот нож после того, как мне таких трудов стоило определить его в хорошие руки?

– На ноже были обнаружены отпечатки пальцев, – поставил Маришу перед свершившимся фактом лейтенант. – Пока трудно утверждать наверняка, но они очень похожи на ваши. Как они там очутились? И не трудитесь убеждать меня, что они сохранились там со времен вашего школьного творчества. Они совсем свежие. Итак, труп, найденный в вашей постели, явно воспользовался ключами, чтобы войти, или его впустил кто-то, кто уже был в квартире, но в любом случае он тут оказался не случайно. Орудие убийства вам хорошо знакомо, а появление ваших отпечатков пальцев на нем вы никак не можете объяснить. Ведь не можете?

Под его испытующе-инквизиторским оком Мариша смогла только пропищать:

– Может быть, их перенесли туда с помощью клейкой ленты? Я где-то слышала про такие случаи.

– Мы это проверим, не беспокойтесь, дело у нас хорошо поставлено. Но вероятность того, что вы правы, ничтожна мала. Лучше бы вам сразу признаться.

«Если я ему признаюсь, что труп – это мой любовник, то есть – тьфу, какая гадость, – не то, кем он есть сейчас, а то, кем он был раньше, то есть... Нет, лучше не говорить об этом теперь», – решила Мариша, уставившись на лежащий перед ней нож и отчетливо чувствуя, как она трезвеет. И чем больше трезвеет, тем более осознает незавидность своего положения. Круг подозреваемых в убийстве сузился до одного лица, и этим лицом оказалась, по воле рока, она сама!

Когда утром Мариша обнаружила себя в крайне неудобной позе в таком же неудобном кресле, она здорово удивилась. В голове гудели колокола, а язык был шершавым, как терка. Мысли разбегались, как тараканы ночью на кухне, если там неожиданно зажечь свет. На той же кухне призывно орала над своей миской голодная Дина.

– Какого черта я тут делаю? – спросила у себя Мариша, удивляясь тому, что могло вынудить ее устроиться на ночь в кресле. – Дайте попить чего-нибудь, а хорошо бы пива! – заорала Мариша на случай, если вечером была пирушка и кто-то из гостей остался заночевать, скорей всего это должна была быть парочка влюбленных, только им Мариша уступила бы свою кровать.

Увы, никто не ответил, и Мариша, отчаянно ругаясь, поползла на кухню. Оторвавшись от носика чайника, она мягко отпихнула урчащую Дину, затянулась первой сигаретой и поперхнулась. Под потолком парило тело. Оно расположилось в воздухе так вольготно, словно находилось у себя дома на кушетке перед телевизором.

– Ну что? Плохо тебе, бедняжка? – осведомилось тело и заботливо добавило: – И еще хуже будет. Ты лучше сядь.

Мариша послушно плюхнулась на табуретку и протерла глаза и уши на тот случай, если это выкрутасы ее измученного излишествами мозга. Но ничего не изменилось. Стало только еще хуже, как и было обещано. Гость перевернулся в воздухе на другой бок, и Мариша увидела его лицо.

– Ты же вчера умер! – воскликнула она и в ужасе зажала рот рукой.

– Вот именно, – ехидно подтвердило привидение и сделало в воздухе кувырок через голову.

Этого Маришины измученные нервы не выдержали: она завывала и, подхватив под мышку безмятежно слоняющуюся по столу Дину, бросилась к двери. На отпирание всех замков, которые она вчера после ухода милиции тщательно позакрывала, у нее ушло много времени, его хватило на то, чтобы несколько собраться с мыслями и понять, что без верхней одежды на улицу соваться не стоит. Как бы ни было рано, а прохожие встретятся, и, не дай бог, ими окажутся Маришины соседи, болтовни потом не оберешься. Но эти мысли носили чисто эпизодический характер, так как основные силы Мариши были направлены на борьбу с замками и поддержание достаточной для отпугивания призрака громкости своего воя. Поэтому она схватила первую же вещь, которая попала ей под руку, и бросилась вон из дома.

Только на улице она сообразила, что прихватила с вешалки свое прошлогоднее зимнее пальто, с которого к тому же третьего дня спорола воротник, чтобы пристроить его на свое новое зимнее пальто. Теперь о воротнике можно забыть, но все-таки ходить по улицам, даже в столь ранний час, в домашних тапочках, теплом пальто со свисающими по вороту нитками и хмурой кошкой под мышкой Мариша отказывалась – чистый дурдом с одним пациентом. Поэтому она начала думать, где бы ей укрыться и что вообще делать дальше.

Путь домой был закрыт. Вернее, с самим путем все было в порядке, а вот в дом Мариша теперь бы не сунулась ни за какие коврижки. Она не боялась ничего на свете, но привидения навевали на нее какое-то тягостное чувство, и она предпочла бы пореже встречаться с ними. Значит, если не домой, то в гости. Оставалось выбрать кандидатуру, которая бы наименее бурно реагировала на ее появление во всей красе, да еще очень ранним утром у себя на пороге.

«Если я пойду к Насте, – рассуждала Мариша, – то там муж, а мы с ним не дружим, и он будет злорадствовать, а я этого не хочу. Можно пойти к Светланке, но у нее эрдель Макс, а у меня кошка Дина. Они будут нервничать и не дадут нам поговорить. Хорошо было бы пойти к Дашке, но она уехала на прошлой неделе. Вот положение – кому рассказать! Выгнана из собственной постели каким-то нелепым привидением. А ведь всем известно, что привидений не бывает».

... Меня разбудил громкий звонок в дверь. Нельзя сказать, что просыпаться под оглушительный трезвон – один из излюбленных моих способов пробуждения. Обычно я предпочитаю спать до полудня, а потом долго и нудно вылезать из постели и при любой погоде за окном шлепать в душ. Но на этот раз мне пришлось изменить своим привычкам и вскочить с кровати сломя голову. Свалив по пути соломенный стул, приобретенный мною вчера по случаю лета, я помчалась к двери, чтобы угмонить звонок. Он звенел так, словно поставил себе цель оставить меня без ушей.

– Давно надо было поставить другой звонок. Звенел бы колокольчиком, а не завывал, словно сирена, – ворчала я себе под нос, взясь с цепочкой.

Сегодняшний звон побил по громкости все прежние рекорды. К нему примешивалось еще какое-то странное завывание, которое я приписала пришедшей в негодность водопроводной трубе. Но нет, источник звука был иной. На пороге стояла подруга. Прижавшись к стене, она не отпускала руку от кнопки звонка, несмотря на то, что дверь я уже открыла, и продолжала горестно стенать. Ее внешний вид описать было невозможно.

Первое, что я предположила, увидев Маришу в этом странном наряде, это что моя подруга решила переехать жить ко мне и начала с перевозки всего наиболее дорогого ей. В это объяснение укладывалась Дина. Но помятое пальто категорически выпадало из этого ряда. Поэтому я решила, что Мариша затеяла перешить свое старое пальто, а так как мех для него еще не приобрела, то захватила с собой кошку, так сказать, чтобы прикинуть. Мол, вот как это будет. Но тогда какого черта Мариша завывает при этом, словно паровозная труба?

– Ты долго еще намерена тут голосить? – осведомилась я. – Может быть, зайдешь, раз уж я проснулась?

– А, – очнулась Мариша. – Это ты?

– А кого ты надеялась у меня застать? – удивилась я.

– Да так, много тут разного шляется, – уклончиво ответила она и прошла в дверь, сунула мне свою взъерошенную кошку, определила свое пальто на вешалку, оставшись в одной футболке и вышитых тапочках с огромными красными бомбошками.

Мариша прошла на кухню и уселась за стол. Разговор она начинать явно не собиралась. Просто сидела и молча смотрела перед собой. На исходе шестой минуты я всерьез забеспокоилась – столь длительное молчание было не в привычках Мариши. Даже в одиночестве она могла проявить выдержку и помолчать не больше трех минут, а в обществе и того меньше. Даже если учитывать, что меня она не замечала, то все равно выходило что-то долго. Наконец она оторвалась от созерцания вчерашнего пятна от чая на белом пластике стола и спросила:

– Ты веришь в призраков?

– Многочисленные исторические свидетельства убеждают нас... – начала несколько неуверенно я.

– Ясно, – прервала меня Мариша. – Значит, сама ты не веришь. А я вот теперь верю. Сама видела не далее как двадцать минут назад.

– Где?! – поразилась я.

– У себя дома.

– И ты его узнала?

– В том-то и дело, что узнала, – сокрушенно вздохнула Мариша, как будто незнакомый призрак по каким-то одной ей известным критериям лучше призрака знакомого. – Он со мной говорил.

Я тут же поставила чайник на газ, подумав, что одним чаем тут не отделаешься, надо изыскать чего-нибудь покрепче, и осторожно спросила:

– И что он тебе сказал?

– Как и при жизни, всякую чушь.

– А кто он? – продолжила я вытягивать из нее сведения.

– Никита, – равнодушно ответила Мариша, видимо, все еще пребывая в шоке.

– Он же еще вчера был жив, – искренне удивилась я. – Я его видела, когда он к тебе шел. Мы с ним даже поболтали немного. Ты уверена, что это был призрак? А то знаешь, с утра после большой пьянки всякое может показаться.

– Говорю тебе, он мертв, – неожиданно разозлилась Мариша. – Вчера его нашли в моей постели трое ребят из милиции.

– А что они делали в твоей постели? – рискнула спросить я, наливая молоко Дине и нервно почесываясь, предчувствуя, что моему спокойному времяпрепровождению с появлением Мариши пришел конец.

– Я их вызвала, чтобы они забрали его. Но эта скотина не желает убираться. Сегодня открыла глаза и вижу его под потолком. Парит, гад, словно дирижабль, и ухмыляется. Шел бы к жене, там бы и ухмылялся.

– Один мой знакомый уверял, – начала я, – что именно так и сходят с ума при белой горячке. Сначала по утрам призраки перед носом маячат, а к вечеру черти из стен лезут. – Но я не успела развить свою идею, как Мариша ударилась в слезы.

– Так я и знала! – рыдала она. – Что никто мне не поверит. Потому к тебе и пришла.

Понять ее можно было двояко. Но слез ее я вынести не могла. Я еще способна была противиться Марише, твердо стоящей на ногах, но перед Маришей, заливающей потоками слез пол моей кухни, я была беззащитна.

– Ладно, не реви, – примирительно сказала я. – Верю я тебе, только успокойся. Расскажи толком, что случилось.

Мариша всхлипнула еще пару раз для закрепления результатов своих рыданий и приступила к подробному рассказу.

– Значит, его убили у тебя перед квартирой, а потом он сумел еще открыть дверь, добраться до постели и прикрыться подушками? – подытожила я. – Лучше бы он в это время вызвал «Скорую помощь».

– Или его кто-то другой притащил ко мне в постель. И вовсе не обязательно, что перед квартирой, могли и в самой квартире. Но самое ужасное, что убили его моим собственным ножом, верней, ножом моей бабушки, но так как она уже умерла, то он почти что мой, – произнесла Мариша, и глаза ее снова начали наполняться слезами. – А значит, версия о том, что его убили посторонние хулиганы в подъезде, отпадает. Откуда бы им взять мой ножик?

– Давай пока подумаем, у кого могут быть твои ключи? – сказала я, ставя перед Маришей дымящуюся яичницу, щедро посыпанную петрушкой, я где-то слышала, что эта травка укрепляет нервную систему, поэтому не поскупилась.

– Вчера уже про всех подумала, – сказала Мариша, перечислила длинный список лиц и приступила к остывшей яичнице.

– Очень хорошо, можно начать с той подружки, которая увела у тебя любовника, потом поискать записку с адресом того типа, про которого ты ничего не помнишь, а потом, если нигде ничего не выгорит, навестить твоего бывшего жениха.

– Он же в Москве и к тому же в таком месте, куда просто так не пускают, – испугалась Мариша.

– А перед этим мы навестим квартиру твоей бабушки и расспросим твоего братца, куда он дел такой замечательный ножик, – не обращая внимания на Маришины терзания, продолжила я.

– Знаешь, что я подумала в связи с этим, – перестала наконец стонать Мариша, – ведь мой жених был со мной на квартире, когда мы разбирали вещи после бабушки. Вертелся у всех под ногами и всем мешал. Я просто не знала, как от него избавиться, и отправила его на кухню считать серебро. Может, он тогда и прикарманил ножик. Не потому, что он был ему нужен, а просто на память.

– Да, нам просто необходимо навестить беднягу, – сказала я. – Сколько ему еще осталось?

– Не знаю, – тоскливо промямлила Мариша. – Суда еще не было. Адвокат надеется скопиться до трех лет, значит, дадут пять. Но я не общалась ни с ним, ни с его родителями уже целый год. Они удивятся, откуда такой внезапный интерес.

– Это единственное, что тебя сейчас волнует? – съехидничала я. – На твоём месте я бы волновалась не о том, что там кто-то скажет или подумает, а как тебе доказать то, что ты не убивала своего Никиту.

– Надо бы его жене сообщить, – робко подала голос Мариша.

Я чуть не подавилась бутербродом с сыром, который как раз жевала.

– Ты с ума сошла? – возмутилась я. – И как ты себе это представляешь? Придешь к ней или позвонишь? Извините, тут вашего мужа нашли мертвым в моей постели, так, что ли? Лучше тогда отправиться в обход по друзьям Никиты.

– А это ты как себе представляешь? – тоже не осталась в долгу Мариша. – Будем ходить по списку и спрашивать: «Не вы ли убили одного своего друга? Ах, не одного? Ну, это еще лучше».

Немного поругавшись и облегчив душу, мы приступили к выработке плана. Номером первым в нем числился некий Ленчик, которого когда-то давно и увела у Мариши прямо из стойла ее коварная подружка. Жить новоиспеченная парочка отправилась к Ленчику, стало быть, за известиями о ключах надо было отправляться тоже к нему. Подходя к его дому, Мариша внезапно начала буксовать и совсем встала.

– В чем дело? – удивилась я.

– Понимаешь, мне не совсем удобно идти к нему. После всего, что между нами было, и всего того, что я ему наговорила при нашей последней встрече, мне не хочется разговаривать с ним. А потом, ведь Никита был его другом, а жена Никиты – сестра Ленчика, и все так запутано. Сходи одна, а?

Плохо представляя, с чего начать наш разговор, я уже звонила в обитую белой вагонкой дверь. Ленчика я видела два раза в жизни, но знала его по рассказам Мариши так хорошо, что мне иногда начинало мерещиться, что я росла и воспитывалась вместе с ним чуть ли не с детства. Согласитесь, если вам в течение года выбалтываются интимные подробности чьей-то жизни, тот, о ком вам прожужжали все уши, не сможет остаться посторонним для вас человеком. Дверь открылась, и на пороге возник сам хозяин, удивленно воззрившийся на меня.

– Чем обязан? – наконец выдал из себя.

Вопрос надолго поставил меня в тупик. Наконец я сообразила и радостно выпалила:

– Мне очень надо поговорить с тобой о Никите.

– Сейчас?

– Именно сейчас, – твердо ответила я, сделав каменное лицо, чтобы Ленчик не вздумал отказываться, когда поймет, что все равно не поможет.

– Проходи, – распорядился Ленчик, смирившись с неизбежным.

По коридору прошлась аппетитная дамочка, но коварная Маришина соперница должна быть высокой, черноволосой и с красивыми ногами, а эта была полной противоположностью. Ну, волосы еще ладно, фигура, в общем, тоже поддается коррекции, но если высоченная

Мариша говорит, что соперница высокая, то, значит, та должна быть ростом с каланчу, а дамочка перекатывалась словно колобок.

– Светлана, – невесть почему смущенно представил девушку Ленчик и для чего-то прибавил: – Помогает по хозяйству.

Я перлась через весь город вовсе не для того, чтобы обсуждать личную жизнь Ленчика, поэтому молча и без приглашения проследовала в комнату. Устроившись в кресле, я спросила:

– Что ты делал вчера вечером?

У Ленчика сделалось обиженное, недоумевающее лицо, и он машинально кинул взгляд в сторону, где скрылась Светлана, и ничего не ответил.

– А не помнишь ли ты, – деликатно начала я, хорошенько все обдумав, – связку ключей, которые вы с твоей бывшей пассией прихватили у Мариши? У нее в доме совершено убийство, и убийца проник к ней без взлома. Так ключи у тебя или у твоей подружки?

– Нет, – ответил Ленчик. – Я их не видел. А кого убили?

– Когда ты последний раз видел Никиту? – вместо ответа спросила я, решив наплевать на деликатность, все равно с этим у меня плохо.

– Вчера вечером.

– Что? – удивилась я. – В каком часу?

– В половине восьмого. Мы посидели с ним в «Бальзене», потом перешли в «Соню», а потом мы поймали такси и уехали по домам.

– А номер такси ты не заметил?

– Я что, похож на человека, который запоминает номера машин?

Подумав, я пришла к выводу, что не похож. И на человека, который запоминает ножи с белыми пластмассовыми рукоятками, тоже не похож, поэтому даже спрашивать не стала. А просто встала, приготовившись уходить. Ленчик с готовностью вскочил, чтобы проводить, и только у дверей вспомнил и спросил:

– А что с Никитой?

– Его зарезали, – буркнула я, – и теперь он является Марише, видимо, требуя, чтобы она нашла его убийцу. Если что вспомнишь, то звони, не стесняйся. Они с ним постоянно на связи.

Оставив бедного Ленчика размышлять над моими словами, я села в лифт и спустилась вниз, где меня уже долго и нетерпеливо поджидала Мариша. Наш разговор начался, как я и предполагала. Мариша кинулась ко мне с воплем:

– Ну что?!

Я ловко увернулась и сказала:

– Можешь быть довольна, в убийстве он признался и сейчас собирает себе вещи и строчит повинную.

– Шутишь все, – не поверила Мариша. – Ключи-то хоть отдал?

– Нет у него твоих ключей, говорит, что и не видел и не знает. Только поинтересовался, что с Никитой, и явно не ожидал, что я ему отвечу. Во всяком случае, челюсть у него отпала почти до пола. А ты случайно не знаешь, у Никиты на работе не возникало проблем?

– У него там было все в порядке, – уверенно ответила Мариша.

– А как насчет того, что он захапал себе три ставки? Может, на них имелись другие претенденты?

– Он вроде справлялся с работой, – уже не столь уверенно ответила Мариша.

– Дело не в том, справлялся он или нет, – продолжала я гнуть свое, – а в том, что другие, возможно, считали себя способными справиться не хуже. Был кто-то из этих людей у тебя дома?

– Что ты прицепилась к его работе? – взвилась Мариша. – Не знаю я.

– А его семья? Кому достанутся все его накопления? Помнишь, ты жаловалась, что он все время копит и даже на себя не тратит. Может быть, такое положение дел не устраивало не тебя одну. Как насчет его жены? Деньги достанутся ей?

– Нет, сыну.

– Но до его совершеннолетия еще долго, ему же всего годик. Кто будет пользоваться ими до тех пор, пока он не вырастет? Опекун, ведь верно?

– Какой опекун! – махнула рукой Мариша. – Опекунство подразумевает наличие нотариально заверенного завещания, а он все деньги держал в чулке. Банкам не доверял.

На этом месте я ощутила чувство, сильно смахивающее на ликование.

– Ты что-то покраснела, – заметила Мариша. – Сообразила чего?

– Да, сообразила! – воскликнула я. – Сообразила, что твой Никита скотина и лопух. Мало того, что он позволил себя укукошить прямо у тебя в квартире, так он еще и не позаботился обеспечить тебе вознаграждение за хлопоты.

– Да бог с ним, – сказала бескорыстная Мариша. – Неужели ты всерьез предполагаешь, что его прикончила жена? Я ее видела пару раз, так она жирная, словно бегемот, и такая же неповоротливая. Вряд ли ей было под силу красться по лестнице так, чтобы он не заметил.

– Но она могла кого-нибудь нанять.

Беседуя, мы сами не заметили, как оказались в центре огромного лесопарка, который раскинулся прямо перед домом Ленчика. В этой части народа было не так уж много даже в выходные дни, а в будние тут лишь изредка попадались бабушки, неторопливо прогуливающие своих внуков. Именно поэтому топот, раздавшийся у нас за спиной, так меня заинтересовал. Но Мариша опередила меня, оглянувшись первой и заорав:

– Осторожно! Сзади!

Я тоже глянула через плечо, и все мысли о глупых розыгрышах, до которых Мариша была большой охотницей, вылетели у меня из головы, потому что из-за кустов прямо на нас пер Ленчик. С тех пор, как мы последний раз виделись, в его настроении произошли разительные перемены, и к тому же он держал перед собой разделочный нож, острие которого было угрожающе нацелено Марише в живот.

«Неужели он так разозлился из-за моего посещения?» – успела я подумать прежде, чем пустилась в бегство.

Мариша еще немного задержалась, пытаясь выяснить у Ленчика, какого черта ему нужно.

– Эй, ты чего? – осторожно и, на мой взгляд, слишком неторопливо отступая от агрессора, спросила она.

Но вместо того чтобы остановиться и дать членораздельный и внятный ответ, объясняющий его странное поведение, Ленчик издал серию скрежещущих звуков и метнулся к Марише. Так как с ножом он при этом не расстался, то Мариша благоразумно решила уклониться за дерево. Мгновением позже о то место, где только что была ее голова, ударился нож.

– Тварь! – прорычал Ленчик, с визгом выдирая глубоко засевший в коре дерева нож и бросаясь вновь на Маришу.

До Мариши наконец-то доперло, что пора сматываться, и она метнулась прочь от окончательно ополоумевшего Ленчика. Но, видимо, от страха у нее полностью отшибло все соображение, и она побежала не в сторону скопления пешеходных дорожек, где была вероятность встретить гуляющих, на виду у которых Ленчик, может быть, постеснялся бы перерезать ей горло, а в глубину лесопарка. А там не было не только гуляющих по дорожкам граждан, а и самих дорожек. Мной Ленчик почему-то не заинтересовался, но оставить Маришу одну именно сейчас, когда ей грозит нешуточная опасность, я не могла и тоже побежала за ними.

Ленчик скакал, легко перепрыгивая через попадавшиеся препятствия, как-то: группки чахлого кустарника, неглубокие канавки и упавшие корявые сучья. Мариша прыгать через них не решалась, поэтому ей приходилось их огибать. И получалось так, что перед каждым новым

препятствием Мариша изменяла направление движения, а Ленчик с разгона пролетал дальше. Пока ей везло, и каждый раз она проделывала свой трюк, выигрывая пару метров, под самым носом у Ленчика, который не успевал вовремя сориентироваться, несмотря на многочисленные повторения.

Итак, впереди мчалась Мариша, как обладательница самых длинных ног, вторым шел Ленчик, ноги у него были покороче, а я плелась в конце, отчаянно завидуя им обоим. Мы с Маришей уже начали выдыхаться, но пока никакой надежды на спасение что-то видно не было. Я уже была близка к отчаянию. Оказаться в пустынном лесу один на один с внезапно сошедшим с ума и к тому же впавшим в буйство типом, который вдобавок ко всему вооружен, очень неприятно.

Я видела, что Мариша уже выбивается из последних сил, она все еще бежала, но так как мои ноги с каждым шагом становились все тяжелей и словно наливались свинцом, ее должны были вести себя так же. Легкие уже разрывало от нехватки воздуха, а в бок кто-то всадил тысячи иголок. Я понимала, что еще несколько шагов, и Мариша попадет, что в таком случае прикажете делать мне? Никто не учил меня тому, как вести себя в подобной ситуации. Лучше бы моя бабушка поменьше времени уделяла воспитанию во мне хороших манер, а больше бы занималась со мной практикой рукопашного боя. И как раз когда я в десятый раз успела пожалеть о пробелах в своем воспитании, Ленчик вдруг взвыл, и я увидела, что, споткнувшись об укрытый мхом корень, он летит вперед по воздуху, вытянув руку с зажатым в ней ножом. Мариша оказалась так близко от него, что, падая, он задел кончиком ножа ее голый локоть, который вмиг окрасился кровью. Но следом за этим Ленчик приземлился и при этом так крепко приложился лбом о ствол клена, что на время вырубился.

Задышавшись от нехватки кислорода в измученных и горящих огнем легких, мы с Маришей плюхнулись на траву возле него. Едва переведя дыхание, Мариша все же высвободила из пальцев Ленчика его оружие и тут же воскликнула:

– Что за чертовщина?!

Я взглянула на нее. У нее на ладони матово поблескивал в лучах пробивающегося сквозь листву солнца нож, который, судя по описанию, был орудием убийства Никиты. На его белой рукояти резвились и нежничали лошадки самых разных размеров и пород. Его брат-близнец еще сегодня утром, по словам Мариши, отправился вместе с другими вещественными доказательствами в следственное управление.

– Вот как, – озадаченно сказала я, – их, оказывается, было два.

– Да, – признала очевидный факт Мариша, – но что-то я не припомню, чтобы делала дубликат. Такие шедевры делаются по вдохновению, а вдохновение такая штука, что два раза подряд не приходит. И кроме того, откуда он у Ленчика и почему он хотел нас прирезать?

– Не нас, а тебя, – внесла я коррективы. – А про второе он нам сам ответит. Надо только его связать, а то вдруг он снова в буйство впадет.

Мы стянули с неподвижного Ленчика футболку, которая на вид казалась достаточно прочной, чтобы послужить некоторое время вместо веревки, и связали ею Ленчиковы руки у него за спиной.

– Ноги тоже свяжи, – посоветовала Мариша.

Я послушно связала бантиком шнурки на кроссовках у Ленчика, так как ничего более подходящего для этой цели поблизости не нашлось. Получилось очень симпатично. Шнурки были толстые, с капроновой ниткой, поэтому выдержали бы пяток таких, как Ленчик. Едва я справилась с задачей, Ленчик тут же открыл глаза и, как только понял, что не может шевелить по своему усмотрению ни рукой, ни ногой, начал скандалить и злиться.

– Немедленно развяжите меня! – потребовал он, пыхтя и шмыгая носом.

– Не раньше, чем ты объяснишь мне, что ты против меня имеешь, – возразила Мариша.

– То же, что и против всех вас, – все еще стараюсь освободиться, пробухтел Ленчик. – Вы нам мешаете.

Мы с Маришей обменялись недоуменными взглядами, и после этого Мариша сказала:

– Если ты, придурок, не скажешь мне всю правду, то я тебя живым в землю зарюю. Так что ты меня лучше не зли.

Ленчик тревожно покосился на нож, до которого ему теперь было ни за что на свете не дотянуться, и сдался.

– Только не притворяйся, что ты ничего не поняла, когда увидела нож, – заканючил он.

– Так оно и есть, – заверила его Мариша.

– Это же все твой ненаглядный Никита придумал. Чтобы тебя позабавить.

Мы повторно переглянулись с Маришей: конечно, Никита был со странностями, а кто из нас их лишен, но все-таки воткнуть себе в спину нож только для того, чтобы позабавить любимую, это уж слишком.

– Ты уверен? – недоверчиво спросила Мариша.

– Конечно, – уверенно ответил Ленчик, – он со мной консультировался и даже нож мне притащил, чтобы я отдал дубликат сделать. Вот я и сделал. А ты и в самом деле решила, что он умер? Вот умора, это же шутка. Неужели он тебе не рассказал?

– Кто рассказал? – в отчаянии прошептала Мариша.

– Да он сам – Никита. Неужели не рассказал? Может быть, ты сбежала, не дождавшись, пока он поднимется, весь окровавленный, и не начнет...

– Нет-нет, – поспешно сказала Мариша. – Я не дождалась.

– Ну и дурочка, – расхохотался Ленчик. – Я сразу и не врубился, когда ко мне твоя подружка наведася. Думаю, в чем дело? Твердит, что Никиту убили, и спрашивает про какие-то ключи от квартиры. Думаю, при чем тут ключи, если Никита должен был тебя поджидать возле квартиры.

– Он был внутри, – с каменным лицом сказала Мариша. – А зачем ты за нами погнался?

– Так надо же было поддержать друга! – жизнерадостно воскликнул Ленчик. – Я только не ожидал, что вы от меня припустите, а потом еще и свяжете. Это же шутка была, теперь-то тебе ясно?

– Ты это только что придумал, чтобы от себя подозрения отвести. А на самом деле ты и убил Никиту, и сделал это по просьбе своей кровожадной и корыстолюбивой сестры, – сказала я Ленчику. – Убил, а когда я к тебе наведася, ты испугался и от страха решил и нас прикончить.

– Что ты! – испугался Ленчик. – Я никого не убивал. Маринка, скажи ей, что я даже петуха зарезать не смог, хотя он, паразит, мне все ноги исклевал, и хозяин соглашался продать его. А у меня рука не поднялась, ты же помнишь, скажи ей.

– Петуха он точно не смог прикончить, – задумчиво согласилась Мариша и тут же добавила: – Но это вовсе не показатель, что он не смог бы прикончить нас с тобой. Пусть тут полежит, пока мы в милицию наведемся и расскажем им про этих шутников.

– Зачем милиция? – заголосил Ленчик, который оказался на редкость скандальным типом: то ему не так, это ему не этак, но мы не стали вступать с ним в пререкания и быстро удалились, не забыв прихватить с собой вещественное доказательство.

Мы сели на метро и вернулись к себе. В милиции, куда мы из вредности приперлись, Доронина не оказалось, нам сказали, что он на выезде и будет не раньше, чем через час. Чтобы не тратить время попусту, мы решили зайти к Марише и узнать, как там обстановка. Подразумевалось, что Мариша будет выяснять обстановку относительно потусторонних явлений в своей квартире, а я буду ей ассистировать и подбадривать, а также следить, чтобы она не удрала. На площадке возле лифта мы столкнулись нос к носу с Дорониным, который очень обрадовался, завидев Маришу, и не обратил на меня никакого внимания. Я даже немного оби-

делась, ну и что с того, что мы с ним не знакомы, это ровным счетом ничего не значит. Поздороваться-то он мог. Но ему, видимо, было не до правил приличия. Он сказал, обращаясь к Марише и не видя никого вокруг:

– Я к вам. Зачем же вы нас обманули, что покойный не является вашим знакомым?

– Я как-то не сообразила сразу, – нерешительно начала Мариша и почти сразу же заткнулась, и хорошо сделала, потому что Доронин очень странно смотрел на нее, словно всерьез сомневаясь, в своем ли она уме и стоит ли тратить время на выяснение этого или лучше сразу доставить ее в психушку.

– Ну, заходите, – пригласила гостеприимная Мариша, распахивая дверь и пропуская его вперед.

– У-у! – протянул Доронин, едва оказавшись внутри. – Это уж слишком.

Мы с Маришей слегка побледнели и с внезапно возникшим холодком вдоль позвоночника заглянули через плечо Доронина. Нехорошее предчувствие томило нас, но мы не позволяли ему разыграться. «Не может быть, чтобы там оказался еще один труп», – утешали мы себя. Увы, в коридоре в позе зародыша скорчился рослый мужчина, одетый в светлые брюки, испачканные чем-то вроде болотной тины. Мужчина был мертв на все сто процентов. В этом не оставляла сомнения его голова, которая у него была свернута почти на сто восемьдесят градусов.

– Я тут ни при чем, – поспешила объяснить Мариша. – У меня сил бы не хватило.

Лица покойного ей видно не было, поэтому она тешила себя надеждой, что такие брюки могут оказаться у многих граждан среднего и выше среднего достатка, а полосатую рубашку в серо-голубоватых тонах тоже могли приобрести многие. Не обязательно же только ее знакомые носят такие рубашки. Мариша подошла ближе, и все ее надежды рассыпались, как карточный домик под сквозняком. На покрытом золотистым пушком запястье мертвеца был широкий старый шрам. Даже в лучшие времена, когда она сидела за столом напротив обладателя этого чисто мужского украшения, Маришу корбило от одного его вида, а сейчас ее и вовсе в озноб бросило.

– Ты что, его знаешь? – хором спросили мы с Дорониным.

Мариша обреченно кивнула.

– И откуда у него ключи? – язвительно поинтересовался Доронин. – Или это тот, кому вы их давали, а потом забыли.

– Нет, я ему их не давала. Не представляю, как он сюда попал, – почти плача ответила Мариша и тоскливо посмотрела на меня.

Я только рукой махнула, дескать, дело прошлое, утром все обсудили. А Доронина тем временем заинтересовал совершенно другой аспект дела.

– Тоже ваш ухажер? – спросил он.

Мариша повторно кивнула. Доронин в полном расстройстве чувств плюхнулся в кресло и устался на Маришу, которая стояла на пороге и не знала, на что решиться. К счастью, Доронин все решил за нее. Он протянул руку к телефону и набрал номер.

– Да, – сказал он в трубку, – Это Доронин. Вышлите группу по вчерашнему адресу. У нас снова мокруха. Хозяйка тут делает вид, что ни при делах. С ней подруга. Да, подозрительная.

Не успела я прийти в себя от нанесенного оскорбления, как квартиру наводнили эксперты. Многие из них тут были во второй раз, и взгляды, которые они кидали на хозяйку этого страшного места, нельзя было назвать сочувствующими. Мне тоже досталась немалая толика подозрений. У нас подробно и явно не веря ни одному нашему слову выяснили, как мы провели утро, записали адрес Ленчика и многозначительно при этом переглянулись. Доронин даже позволил себе издевку, сказав:

– Поезжай, Петро, может быть, еще сумеете парня откачать. Хотя если судить по первым двум жертвам, то вряд ли.

– Да мы его не трогали! – возмутилась я. – Он сам на нас набросился вот с этой штукой. Доронин осмотрел нож, выслушал наш пересказ Ленчиковой версии и тоже не поверил в нее.

– Чушь! – сказал он. – Какой дурак будет так глупо шутить? Признайтесь, что вы хотите ввести следствие в заблуждение.

– У нас алиби, – напомнила ему Мариша. – Мы все утро были вместе, а когда я уходила, то в квартире никого не было. В конце концов, я же не виновата, что они все приходят именно сюда. Я же не могу отвечать за их поступки, они взрослые люди. И на вчерашний вечер я тоже смогу раздобыть алиби, если только тех ребят тоже не перестреляли.

На Доронина ее слова произвели весьма слабое впечатление, он упрямо ей не верил.

– Если вы такая невинная овечка, какой прикидываетесь, – сказал он, – то объясните мне, как пострадавшие попадают к вам в дом. Ключей при них не находится. А вы настырно уверяете, что, как бы ни торопились, дверь за собой всегда закрываете. Как вы это объясните?

– Так и объясню, если бы я врал, то мне было бы выгодней сказать, что я не помню, закрывала я за собой дверь, уходя, или нет. А я говорю правду, но вы мне почему-то не верите.

– Послушайте, – выступила вперед я. – Хватит нас оскорблять своими неоправданными подозрениями. Лучше вам заняться отработкой нашего алиби, а оно у нас такое, что не подкопаетесь. Поверьте и проверьте, а мы пока можем посидеть под домашним арестом. Честное слово, мы никуда не денемся, хотя искушение велико.

Все-таки мужчины престранный народ, мне Доронин почему-то поверил и легко согласился с моим предложением, хотя смысла в нем было не больше, чем в Маришиных объяснениях. Тем не менее они ушли, предварительно избавив нас от трупа, за что лично я им была глубоко признательна. Соседей они опросили, но многих не оказалось дома, а те, которые были дома, ничего подозрительного не слышали и посторонних не видели.

– И что мы теперь будем делать одни? – спросила у меня Мариша, когда мы остались с ней наедине. – Ты, кажется, забыла, что я боюсь призраков, а значит, ни о каком домашнем аресте речи быть не может. Я немедленно отправляюсь к тебе и буду сидеть там до тех пор, пока эта история не прояснится.

Меня это в корне не устраивало. Я, конечно, люблю Маришу, но надо же и предел знать. А я подозревала, что совместная жизнь под одной крышей будет выходить за этот предел. Ну, месяц-другой я ее еще выдержу, а потом что прикажете делать? А если расследование зайдет в тупик, а призрак не исчезнет, мне так и жить вместе с ней? А если, чего доброго, к нам наведается еще и призрак сегодняшнего трупа? Это же вообще кошмар и полное фиаско моей личной жизни. Нет, я на это не согласна.

– Никуда ты не пойдешь, – сурово сказала я ей. – Сейчас мы переоденемся в какое-нибудь старье и приступим к поискам затерявшейся пары ключей, про которые ты толком ничего не помнишь, но уверяешь всех, что помнишь.

– Я их искала и даже специально с этой целью сделала генеральную уборку, – начала было протестовать Мариша, но я ее живо оборвала:

– Знаю я, как ты делаешь уборку. Небось провела пару раз веником по шкафам да прошла пылесосом по своему ковру, ну и, может быть, еще протерла поверхности столов. Скажешь, что я не права?

Мариша устыдилась и ничего не сказала. Мы переоделись в старье, как это понимала Мариша. В моем представлении в этих вещах еще можно было смело съездить на пару вечеринок, но спорить я не стала, и мы приступили к уборке. Горы пыли, которые мы обнаружили за отодвинутым холодильником, подтвердили правоту моих слов. Мы их смели в пакет и осторожно исследовали на предмет обнаружения металлических предметов удлиненной формы. Но ничего, кроме пустых пивных крышек, мы там не нашли. Под газовой плитой и за стиральной машиной мы тоже ничего примечательного не обнаружили. Ключи обнаружили под мойкой,

они мирно висели на березовом венике, с которым нормальные люди ходят в баню, а ненормальные, вроде Мариши, держат дома на всякий случай. Судя по привольно расположившемуся на венике поселению пауков, он стоял тут не один месяц.

– Ну, и как это понимать? – сердито отплеываясь от клубов пыли и потревоженных паучков, спросила я у Мариши.

Мариша кратким ответом удовольствоваться не пожелала и прочла мне небольшую лекцию, которая начиналась так:

– Пауки вреда никому не приносят, сидят себе тихонько и под ногами не мешаются. Наоборот, от них сплошная польза. Во-первых, – сказала она, загнув палец, – они приносят деньги в дом, во-вторых, они питаются другими насекомыми. Заметила, у меня почти нет мух и комаров. Догадалась теперь почему? А в-третьих, они мне нравятся своей основательностью, как где поселятся, сразу начинают вить гнездо. Поэтому я их не только не гоняю, а приветствую и предоставляю кров и безопасное убежище и в их дела не суюсь.

– Это заметно и без твоих слов, – заявила я. – Сколько, по-твоему, ты сюда не заглядывала? Хотя бы приблизительно сказать можешь?

– Это легче легкого, – обрадовалась Мариша. – Веник я сделала на даче как раз на прошлую Троицу. Потом он у меня несколько недель сох в ванной, но душ я принимаю часто, поэтому он там плохо сох, и к тому же с него все время сыпалась какая-то труха прямо мне на голову, поэтому я его переместила в пенал, но там с него стали сыпаться листья и попадать в разные важные бумаги, и я его определила под мойку. Это было в середине осени, и он уже был настолько плох, что идти с ним в баню было стыдно.

К кольцу от ключей, помимо фарфоровой бабочки, был прицеплен маленький клочок бумажки, на котором был написан телефон.

– А это еще что? – удивилась я. – Что за дополнительный брелок?

– Ой! – повторно обрадовалась Мариша. – Ты просто удивительно благотворно влияешь на мои дела. Сразу все находится, у тебя, видимо, аура такая. Представляешь, эта бумажка того самого типа, про которого я совершенно твердо была уверена, что он ушел вместе с моими ключами. А оказывается, он тут и ни при чем вовсе. Теперь всегда буду звать тебя, когда затею уборку.

Вывод, который сделала Мариша, заставил меня слегка пожалеть о своем неумном стремлении помочь ей. Она еще предлагала помыть полы в комнатах, намекая, что за последние годы у нее пропала масса нужных вещей, но я не дала себя окончательно закабалить. Поэтому Марише пришлось самой мыть полы, а я села на жалобно тренькнувший телефон и попыталась дозвониться до бывшей Ленчиковой каланчи, которой Мариша по политическим соображениям не могла позвонить сама. Там долго не снимали трубку, но наконец мне повезло.

– Алле, – произнес мужской баритон, от звука которого у меня сладко защемило сердце и задрожал мой собственный голос, поэтому мое приветствие оказалось слегка смятым, но все-таки там поняли, чего я хочу, и все тот же голос ответил: – Ее нет дома, и в городе, собственно говоря, тоже. Она уехала в Сочи, что-нибудь передать?

Так как я растерянно молчала, то голос сжалился надо мной и предложил альтернативу:

– А если хотите, то можете перезвонить ей завтра, она должна вернуться.

Я, обрадованная, промычала нечто, отдаленно напоминающее благодарность.

– Не за что, – сказал баритон и повесил трубку.

Переведя дыхание и обретя дар речи, я бросилась к Марише.

– Знаешь, кто сейчас состоит в любовниках у твоей каланчи? – возбужденно подпрыгивая на влажных плитках, голосила я. – Тот самый Вовчик, про которого ты сказала, что он голубой, а он оказался профессиональным киллером. Твой жених его приволок ко мне знакомиться, помнишь. Я с ним только что разговаривала по телефону, он сидит у твоей каланчи, а ее величество отдыхают на югах и завтра вернуться.

– Ты не перепутала? – недоверчиво спросила Мариша. – Он же сидит в тюрьме. И вообще, ты же с ним виделась всего несколько раз, а потом он проболтался тебе о своей профессии и ты от него сбежала.

– Это ничего не меняет, – настаивала я. – Все равно я на всю жизнь запомнила, как он тянет свое «алле». Ни один человек не сможет повторить, даже если вдруг ему и придет такая охота. Это точно он.

– Вряд ли он ее любовник, – продолжала сомневаться Мариша. – Тогда бы они вместе поехали отдыхать. А он сидит тут и ждет ее.

– Может быть, ему надо было вернуться раньше, поэтому он и сидит один. Но в любом случае они близки, я бы только близкому человеку разрешила жить у меня, пока меня нет.

– А я бы любого пустила, если бы он только пообещал не продавать мои вещи и не переклеивать обои.

– Но все равно, если он все это время находился в городе и в его распоряжении были ключи от твоей квартиры, то он становится подозреваемым номер один. Убийства – это же его профессия. Хоть в этом-то ты со мной согласна?! – в отчаянии взвыла я.

С этим Мариша была настолько согласна, что даже перестала мыть пол, бросила тряпку и принялась сдирать с себя свой вельветовый комбинезон с явным намерением куда-то идти.

– Куда это ты собралась? – осведомилась я.

– Как куда? В милицию. Буду жаловаться и требовать, чтобы они оградили меня от этого психа. У него там с моим бывшим благоверным какие-то разборки, а я страдай? Нет, спасибо.

Про разборки я слышала впервые, и мне это очень не понравилось. Кто его знает, может быть, он и против меня чего-нибудь имеет и, завершив с Маришей, начнет подкидывать трупы уже мне?

– Нельзя ли узнать поподробней? – попросила я.

– Сама толком ничего не знаю, потому и жила так спокойно. Год назад этого Вовку посадили, и в этом каким-то образом был замешан мой женишок, а у меня всегда своих дел по горло, чтобы выяснять про чужие. Да Мишка не больно-то и делился со мной, но все-таки мне удалось понять, что Вовку взяли после того, как он всадил пять пуль в одного толстосума, но так и не прикончил его. И были еще несколько провалов, мазилой этот Вовка был редким. В последний раз он умудрился попасть в задницу кому-то из своих же. Но кто был этот бедняга, мне Мишка так и не сказал, а потом мы с ним расстались, и я совершенно забыла про Вовчика. Все-таки я полагаю, что его сдали свои же, чтобы насолить ментам, пускай, мол, они теперь с ним возятся. И потому я была совершенно уверена, что его выпустят не раньше чем через пару десятилетий, а он снова тут как тут. И что мне теперь делать?

– Но ты ведь ни в чем не виновата перед этим Вовкой, – попыталась утешить я ее.

– Конечно, не виновата! – прорыдала Мариша. – А только чего он тогда мне трупы таскает?

– Может, и не он?

– А кто? Он самый и есть. Ему по статусу положено, вот он и старается.

– А почему он убивает именно твоих любовников, это по меньшей мере странно. Что он против них может иметь? Может быть, твой жених попросил его о такого роде услуге?

– Ты с ума сошла! – возмутилась Мариша. – Мы с ним расстались окончательно и бесповоротно, он не может иметь ко мне решительно никаких претензий. Я ему больше года назад сказала, что между нами ничего не может быть из-за его профессии, и он согласился. И вообще, он был добрым мальчиком и никогда не запрещал мне встречаться с другими. А даже если предположить, что это все-таки по его просьбе их убивают, то все равно, зачем ему хотеть смерти моих приятелей, если ему сидеть еще неизвестно сколько. Он же понимает, что одного убьют, а на его место немедленно найдется другая кандидатура. Что ж бедному Вовке всех

метелить? Он же не меценат, за все услуги деньги берет, и немалые, моему бывшему столько не наскрести. На одного или на двух он еще может изыскать средства, но не на всех же.

– И все равно странно, – сказала я.

– Вот именно, – горячо поддержала меня Мариша. – Поэтому я к Доронину и собираюсь. А ты, если хочешь, можешь остаться дома.

– Ну уж нет, – решительно отказалась я. – Тут у тебя второй день трупы визитеров находят, так я не хочу оказаться в их числе. В милиции куда как безопасней. Я пойду с тобой.

Мы снова переоделись. Мариша попросила меня пойти вперед и подождать ее внизу. И когда я уже начала думать, что Мариша передумала, она возникла возле меня, и мы вместе отправились к Доронину. Против всякого ожидания он к нашим словам прислушался и немедленно отправил группу на задержание. Благо Мариша помнила адрес каланчи, по которому сейчас обитал Вовка. Мы вызвались поехать с ними, и нас взяли без разговоров, подозреваю, что этому сильно способствовало то, что Мариша не скрывала того факта, что помнит адрес лишь частично, то есть она помнила только улицу и одну цифру, но определить, что собой представляла эта цифра, затруднялась. Иногда ей казалось, что это номер дома, а иногда, что это квартира или вообще этаж или корпус. До Авиационной улицы мы добрались быстро. За нашей «девяткой» ехал «газик», до отказа наполненный крепкими ребятами в пятнистой одежде и вооруженными автоматами. Всю дорогу я провела в размышлениях о том, какую роль выполняет их пятнистая форма в черте города. Как камуфляжная она однозначно не годилась, а не опасаться людей с автоматами смог бы только законченный псих.

– Приехали, – сообщила Мариша, – вот этот дом, а вон ее балкон.

До балкона было, мягко говоря, высокогато.

– А он еще дома? – пришла мне запоздалая мысль. – Может, он пошел перекусить?

– Вас это волновать не должно, – распорядился Доронин. – Этим займутся профессионалы.

Мы отнюдь не возражали и, забившись на заднее сиденье, не сводили восторженных глаз с этих самых профессионалов. Они очень энергично расползлись по дому и прилегающим к нему кустам.

– Теперь пора, – заявил Доронин и открыл перед нами дверцу.

– Чего это? – удивилась Мариша.

– Пойдем наверх, ты должна представиться и любым путем вынудить его открыть дверь. Это поможет избежать стрельбы.

Мариша открыла рот и изрекла совершенно жуткую вещь, осмыслив которую я поняла, что умираю.

– Возьмите лучше Дашку, она с ним встречалась, и он был в нее без памяти влюблен. Так что ей он откроет без слов.

– Вот как? – воодушевился Доронин. – Вы, оказывается, все знакомы?

Без психоанализа было ясно, что он имеет в виду. Я метнула на Маришу взгляд силой в десять баллов, но она притворилась, что ничего не заметила.

– Я не могу, – попыталась я объяснить. – Он меня давно забыл, и виделись мы всего несколько раз.

– Вот это мы сейчас и проверим, забыл он тебя или нет, – бормотал Доронин, вытаскивая меня из машины.

Как я ни упиралась, уже через несколько минут меня поставили перед совершенно незнакомой дверью и велели звонить.

– Когда спросит «Кто там?», ты ему представишься и наплетешь что-нибудь жалостливое, чтобы открыл, ясно? – инструктировал меня Доронин. – И не вздумай говорить что-нибудь типа: «Мы бы тут хотели с тобой поговорить» или «У моих друзей к тебе есть пара вопросов». Никаких упоминаний во множественном числе, пусть думает, что ты одна.

– Ладно, – буркнула я и утопила кнопку звонка.

Врать мне не пришлось, дверь распахнулась сразу же, и передо мной действительно возник Вовка. Если у меня еще оставалась слабая надежда, что его голос мне просто померещился, то сейчас она растаяла как дым.

– О! – радостно воскликнул он. – Не ждал!

Это было единственное, что его порадовало, да и то только на одну, очень короткую минутку. После того, как, оттолкнув меня, в квартиру рванули люди в камуфляже, у него больше не было причин для радости, и он уже не был столь приветлив, осыпая меня удивительными словами, о существовании которых в русском языке я до сих пор не подозревала.

Возникший шум привлек внимание востроносенькой старушонки, которая вылезла на лестницу и приготовилась принять деятельное участие в сражении. Доронин вежливо попросил ее не высовываться и сидеть тихо, тогда, возможно, ей посчастливится и она не пострадает. Но старушенция попала на редкость настырная и себе на уме. Слова Доронина на нее не подействовали, а если и подействовали, то весьма слабо: она продолжала торчать на пороге и с любопытством прислушиваться к звукам, доносящимся из-за дверей напротив. Вдоволь насладившись ими, она открыла рот и шелкнула пару раз великолепными вставными челюстями для привлечения нашего внимания. Доронин болезненно вздрогнул, но взял себя в руки и пробормотал:

– Мне-то что, хочет схлопотать, так ее дело.

Но старушенции его реакция показалась явно недостаточной. Она еще разок клацнула фарфором и удовлетворенно произнесла:

– Наконец-то его заберут отсюда. Давно пора. Сил никаких нет. Целыми днями крутит музыку, и добро бы Наташу Королеву или «Иванушек», так нет же, поставит западных придурков, они и воют дурными голосами так, что голова кругом идет, а барабаны по ушам: «бум-бум, бум-бум». Что же вы так задержались? Я вам еще вчера ночью звонила и утром сегодня тоже, потому что невозможно: он из дома ни на минуту не уходит и музыка у него орет, не затыкаясь. Просто удивительно, ну буквально ни на минуту. Я специально его караулила и подружек на улице подговорила, чтоб они смотрели, но он уже два дня как вернулся, сидит дома, словно сыч, и ни ногой никуда. Как он без свежего хлеба-то обходится?

Дотошная бабулька закончила свой монолог и, должно быть, осталась довольна. Примерно с середины ее рассказа наше внимание было полностью приковано к ее рту, мы боялись пропустить хоть слово неожиданной свидетельницы. Когда она закончила, мы переглянулись. Доронин умел считать не хуже меня, а я уже давно сложила два плюс два и смекнула, что человек не может быть одновременно в двух местах, а значит, Вовчик, который, по свидетельству очевидицы, провел дома безвылазно все то время, пока на квартире у Мариши творились жуткие вещи, автоматически выпадал из круга подозреваемых.

– М-да, – протянул Доронин и крикнул: – Отбой, ребята!

Я вцепилась в него и жарко зашептала:

– Какой отбой? Ну и что с того, что он не виноват в убийствах? Он вполне может быть замешан в других делишках. Раз уж мы тут, надо его допросить хорошенько, а лучше всего было бы изолировать хотя бы временно.

Доронин грустно посмотрел на меня и сказал:

– Предупреждал меня мой предшественник, что отделение он мне передает то еще. И граждане очень уж волнительные, а гражданки просто чумные, он через них поседел и заработал язву. Я тогда не понял, о чем он толкует, а теперь вижу, что он прав был.

После этой отповеди Доронин прошел в квартиру, оставив меня на лестнице терзаться догадками о том, кого он имел в виду, говоря про чумных гражданок. Старушка оказалась тут как тут и участливо встряла.

– Правильно, милая, – поддержала она меня. – Надо его посадить. Сил моих нет больше с ним соседствовать.

Я мысленно сосчитала до ста, но это не помогло, и так как старушка продолжала торчать в опасной близости от меня, то от легкого нокаута ее спас только топот Маришиных ног на лестнице. То, что это были именно Маришины ноги, я не сомневалась, слишком часто мне приходилось их слышать.

– Они его схватили? – взволнованно спросила она. – Он сопротивлялся?

– Схватили и сопротивлялся, – мрачно подтвердила я.

– Чего же ты тогда такая мрачная? – удивилась Мариша. – Радоваться надо, преступник пойман и всего за какой-то час с небольшим.

– Он не преступник, – окончательно погружаясь во мрак отчаяния, ответила я. – То есть он, конечно, преступник, но в твоём деле не виноват. Он провёл дома все время, когда должен был таскать трупы. У нас и свидетель имеется, – кивнула я головой в сторону протезированной бабульки.

Мариша оценила проницательную внешность старушки и поскучилась.

– Может, вы ошибаетесь? – с надеждой в голосе спросила она у старушки.

– Нет, милая, – с плохо скрытым злорадством заявила бабулька. – Я за ним специально следила. – Он из квартиры ни на шаг. Я даже на ночь специально приклеивала к его дверям свой собственный волосок, а утром он был на месте, и это был именно мой волосок. Значит, никуда соседка не выходил.

Против такого аргумента нам выставить было нечего. Мы вздохнули и поплелись в квартиру приносить свои извинения, но, придя туда, мы выяснили, что в них там никто особо не нуждался. Доронин с Вовчиком сидели рядком на диване и пели дуэтом.

– Да что ты мне, начальник, говоришь, – говорил Вовчик. – Мне ли эту парочку не знать. Они мне сколько крови перепортили. И она, и ее женишок. А ее коварная подружка чего стоит! Любому мужику может мозги так закрутить, что он в себя до конца дней не придет.

– А ведь меня предупреждали, – жаловался ему Доронин. – А я не принял слова товарища майора к сведению. Теперь бы не сидел тут дурак дураком, не зная, как перед начальством отчитаться.

– А я-то, дурак, обрадовался, когда ее увидел, – сокрушенно вздохнул Вовчик и умолк.

– Товарищ Доронин, – строго произнесла Мариша, и от звука ее голоса того перекосило, – зачем вы беседуете на личные темы с беглым преступником?

– А меня освободили досрочно, – вскочил Вовчик. – Между прочим, амнистия вышла всем тем, кто по первой ходке.

– Это ты-то? – поразились Мариша. – Да на тебе пробы ставить негде.

– Это решать суду, – скромно потупив глаза, ответил Вовчик.

Мы, не торопясь, прошли в квартиру. Мариша огляделась по сторонам и скептически произнесла:

– Тут не очень-то изменилось. Только грязи прибавилось.

Вовчик не отреагировал, он смотрел на меня.

– Как ты могла подумать, что я способен на такое? – горестно начал он, обращаясь ко мне, но вместо меня ответила Мариша:

– А что она должна была подумать, если мы обе прекрасно знаем, чем ты зарабатывал на жизнь.

– С этим покончено! – убежденно сказал Вовчик.

– А мы откуда могли знать, покончено у тебя с прошлым или нет. Нам ведь ты не потрудился об этом сообщить, – вразумляла его Мариша. – Так что нет ничего удивительного в том, что мы подумали на тебя, удивительно то, что ты оказался ни при чем.

– А у нас всегда страдают невинные, – выдал Вовчик. – Вот и твой Мишка, говорят, ни за что сидит уже год. Суд будет, и его оправдают, а кто ему годы вернет?

– Во-первых, он не мой, – снова начала загибать пальцы Мариша. – Во-вторых, сидит он за дело, а в-третьих, никакой суд его не оправдает, сколько бы он ни заплатил своему ловкачу адвокату.

– Он тебе просил привет передать.

– Спасибо, – помрачнела Мариша. – Не до него сейчас. Разобраться бы, кто мне трупы подкидывает. Кстати, ты не видел у своей Люсинды ключей с брелком в виде красного пузатого бегемотика из прозрачного стекла?

– Нет, не видел, – подумав, ответил Вовчик, на мой взгляд, правдиво. – Я у нее вообще видел только одну связку и там брелок в виде двух обручальных колечек. Это я ей подарил, – добавил он и кинул на меня внимательный взгляд, проверяя, слышала ли я.

Я напустила на себя скучающее выражение, всем видом стараясь показать, что мне грубо наплевать, кому, что и с каким намеком он дарит. Вовчик немного погрузстнел, но потом вспомнил, что завтра приезжает его подружка, и снова повеселел.

– Пошли отсюда, – прошептала мне Мариша. – Нам тут делать нечего, а у меня уборка брошена в самом разгаре.

Никогда до и после этой минуты Мариша не выказывала особого пристрастия к наведению чистоты, но сегодня ее обуял демон чистоплотности. Она затащила меня к себе домой, уверяя, что только мое присутствие сможет помочь ей не потерять присутствия духа при виде залежей пыли под кроватью.

– Тебе даже не придется ничего делать, – уверила она меня. – Ты просто поболтаешь со мной и протрешь пыль, если захочется.

Я с жаром ее заверила, что не захочется. Однако к ней зашла и покорно сидела на диване, пока она наводила порядок под оным.

– Удивительное дело! – вдруг раздался оттуда полузадушенный Маришин голос. – Я тут нашла кое-что интересное.

После этого из-под кровати показалась голая, в грязных разводах Маришина рука, а следом и вся Мариша целиком.

– Вот! – с явным триумфом сказала она, сунув мне под нос нечто, что я сначала приняла за мумию тепличного помидора, но я ошибалась – этим предметом оказался маленький и грязный пузатый бегемотик, украшавший собой ключи от Маришиной квартиры.

– Напрасно мы Доронина к Вовчику сгоняли, – кисло подвела итог я.

– Зато со старым знакомым повидалась, – жизнерадостно возразила мне Мариша. – Он прекрасно выглядит.

– Да, для человека, который на днях освободился, – уныло согласилась с ней я.

– Это навело меня на одну мысль, – сказала Мариша, и меня затрясло, но моя черствая подруга не заметила моего состояния и продолжила как ни в чем не бывало: – Как ты смотришь на то, чтобы съездить на пару дней в Москву?

Я перевела дух. Против ожидания идея была совсем не так уж страшна. Но на всякий случай я решила уточнить, с Маришей нужно уточнять каждый шаг, а то рискуешь оказаться в луже:

– Ты хочешь навестить Мишку, и только?

– Хочу спросить у него, что он про эти дела думает.

– Сразу могу сказать, он тебе заявит, мол, сама виновата, не надо было его выгонять, а теперь пеняй на себя, – сказала я.

– Ну, – усомнилась Мариша. – Он не такой.

Ночевать мы отправились ко мне. Мариша снова задержалась у себя на пару минут. Я поломала голову и решила, что она проверяет, появляется ли призрак Никиты, когда меня

нет рядом, и если появляется, то как быстро. Судя по топоту Маришиных ног вниз по лестнице, появлялся он почти моментально. Спать мы улеглись на одном диване, и к утру я всерьез начала склоняться к мысли, что Москва – это совсем неплохо. Храпела Мариша чудовищно, не спасали никакие средства. Конечно, было бы совсем хорошо отправить Маришу туда одну, но как ей об этом сказать, я так и не придумала. Из-за всего этого поднялись мы рано, что, подумала я с тоской, становится уже привычкой. Мариша горестно начала стонать, что никогда не была одна в Москве, обязательно там потеряется, заблудится и прочее. В итоге очень быстро решено было ехать вдвоем.

– Нам надо зайти ко мне домой, чтобы собрать вещи, – сказала Мариша, и я, совершенно не выспавшись, немного удивилась такой постановке вопроса, но потом сообразила, что одна она домой идти боится.

– Чего ты придумала? – недовольно гудела я, когда мы прорысили по росистой травке к дому Мариши. – У тебя же не гарем мужиков, больше тебе опасаться нечего – запас-то их вышел.

– М-да? – неопределенно протянула Мариша и добавила совсем уж туманно: – Кто их знает.

Мне оставалось только гадать, кого она имеет в виду, своих приятелей или типов, которые ей этих приятелей, находящихся в некондиционном виде, подбрасывают. Дверь мы открыли с некоторым трепетом, который оказался вполне оправданным.

– Только не это! – простионала Мариша и, приготовившись сползти по стенке, прошептала: – Снова валяется.

В глубине души надеясь, что она ошибается, я вошла внутрь. Но там и в самом деле лежал мужчина в шелковых брюках и порванной на спине, но тоже шелковой рубашке. Вокруг него было раскидано с десятков булыжников, самый маленький из которых был размером с кулак. Неподалеку от головы пострадавшего гражданина валялся старинный чугунок, доставшийся Марише по наследству от какой-то ее прапрабабушки. Превозмогая страх, я наклонилась к пострадавшему и услышала слабый стон.

– Он жив, – обрадованно обернулась я к Марише.

Она мигом приободрилась и тоже подошла поближе.

– Это Рудик, – сказала она без тени сомнения. – Жаден до безумия и настырен до неприличия. Это его основные качества. Я его посылала уже несколько раз, а он все лезет и лезет. Жаль, что убили тех, а не этого. Толку от него все равно никакого.

– Я бы на твоём месте тут не рассуждала, а радовалась, что судьба послала нам хоть одного живого свидетеля, – оборвала я ее. – И вообще, что тут у тебя валяется? Вроде бы уборку делали?

– Ах, это, – вздохнула Мариша. – Это пустяки. Надо же было как-то о себе побеспокоиться, вот я и соорудила маленькую ловушечку. Трудно, что ли? Всего-то и надо было, что сложить геологические образцы в чугунок и поставить его на дверь.

– Так это та коллекция, которую собирал твой брат? – припомнила я. – Ничего не скажешь, удачное применение ты для нее нашла. Экспонаты все как на подбор – увесистые. Как ты теперь объясняешься со своим приятелем будешь?

– Может, он еще и не выживет, – равнодушно заявила Мариша, но к телефону пошла и «Скорую помощь» вызвала.

– Они спрашивают, что у него там? – крикнула Мариша от телефона. – Можешь их проконсультировать?

– У него на башке здоровая шишка и еще несколько поменьше, рваная рана на лбу, а еще он, наверное, дрался, потому что вся рубашка на спине порвана, но он мог и сам ее порвать, когда падал.

– Опять все мыть придется, – недовольно пробурчала Мариша, закончив общаться с врачами. – Он специально, что ли, поджидал, когда я порядок наведу? Не мог явиться до уборки? Насколько я его знаю, это вполне в его духе, просто не в состоянии не навредить. Скоро он в себя придет?

Я тем временем пыталась сообразить, кем она недовольна в большей степени, и отреагировала не сразу. Мариша успела еще кое-чего от себя добавить.

– Теперь еще и в больницу к нему ходить придется, а то эта скотина обиду затаит и специально на допросе наврет с три короба, даже если ему самому это во вред будет, все равно делает, лишь бы мне насолить. Такой уж у него характер, – пояснила она мне. – Скажет, например, что никого не видел, ничего не помнит и вообще ни на что не жалуется. Они дело не заведут, а ведь он наш единственный свидетель. Передачи ему теперь носи. Апельсины и бананы он не ест, он, видите ли, гурман, а жрет исключительно всякую экзотику, которая стоит жутких денег. Вот удружил мне мой благодетель, не мог кого-нибудь другого притащить.

– Может быть, ты напрасно на него взъелась, – возразила я. – Может быть, он их не притаскивает, а они сами приходят, а убийца их только караулит тут на лестнице. И может быть, твой Рудик после того, как получил по голове, изменится.

– Как же, жди, – мрачно сказала Мариша и так же мрачно уселась возле по-прежнему неподвижного Рудика на пол.

– А что он делал у тебя в квартире? – неожиданно осенило меня. – Как он сюда попал? Если ключи у него, то, может быть, он тех двоих и замочил? А сейчас пришел за тобой, а только вместо тебя на него посыпались булыжники.

– Это не булыжники, – успела буркнуть Мариша, кидаясь вместе со мной обыскивать карманы Рудика. – Вот это, например, исландский шпат, а это – горный хрусталь, а это сера самородная.

Ключей мы при Рудике не обнаружили, но мое образование и словарный запас за это время существенно пополнились геологическими терминами.

– Значит, убийца не он? – разочарованно спросила меня Мариша.

– Не знаю, – чистосердечно призналась я, делая громадное усилие, чтобы не начать в отчаянии ключьями рвать волосы: мне все эти Маришины любовники, пробиравшиеся к ней, чтобы умереть, порядком надоели. – Может, другой унес.

«Скорая помощь» против ожидания приехала вовремя, то есть если бы дело шло о сердечном приступе у какого-нибудь пенсионера, то я бы так не думала, но в нашем случае спешить особой нужды не было. Рудик лежал тут уже не первый час, не протестуя против этого, и еще сорок-пятьдесят минут дела не решали. Избавившись от Рудика, мы стали ждать визита Доронина. Ожидание было тем томительней, что мы не знали, чем нам заняться, так как по телевизору в ранний час показывали серые и приятно шуршащие помехи, видик не работал, книг Мариша дома не держала, а приступать к уборке мы избегали из-за суеверного ужаса и опасения смыть важные улики.

– Давай рассуждать, – предложила Мариша, и я покорно кивнула головой, не в силах придумать какое-либо другое занятие.

– Предположим, – бодро начала Мариша, – предположим, что наши друзья решили нанести визиты в этот дом после того, как некто позвонил им и предложил прийти сюда. Может быть, им было сказано, что со мной произошел несчастный случай и нужна срочная госпитализация. Это объясняет, почему они все явились без цветов, конфет и прочих элементов ухаживания.

– Они у тебя в гостях всегда появлялись с цветами? – с легкой завистью спросила я.

– Ну, не всегда, – заметно смутилась Мариша, – но с пустыми руками я их не приветствовала, поэтому они их старались занять хоть чем-нибудь. Значит, они так торопились, что даже забыли об этом.

– И что нам это дает? – вяло поинтересовалась я.

– Ничего, – по-прежнему бодро ответила Мариша, а я окончательно скисла и спросила:

– А что все-таки с ключами? Твои любовники сюда как-то попадали.

– Теперь мы знаем, что ключи с красным бегемотиком и ключи с фаянсовой бабочкой никуда не пропадали, а валялись у меня дома. И моя связка с металлическим кроликом тоже на месте. Как ни крути, остается две версии. Первая заключается в том, что был сделан дубликат, и тогда найти его обладателя вообще представляется делом невозможным, и вторая, что преступник пользуется оставшейся у Мишки связкой с сиреневым пуделем. В этом случае можно будет найти концы, спросив у самого Мишки, куда он его дел.

– Кого? – удивилась я.

– Пуделя, – охотно пояснила мне Мариша и пошла открывать дверь Доронину, а я осталась сидеть в грустных размышлениях о том зверинце, который Мариша развела самой себе, а заодно и мне на погибель.

Но милиция быстро вывела меня из этого состояния.

– Взлома не было? Пострадавший ваш знакомый? Сами вы имеете твердое алиби? – полуутвердительно спрашивал Доронин, и на его лице отчетливо читалось: «Что вам от меня нужно? Придумали бы что-нибудь новенькое».

– Когда мы пришли, он еще был жив, – обрадовала его Мариша.

– Это хорошо, – воодушевился Доронин. – Хотя и непривычно.

– А что случилось с теперешним вашим знакомым? – полюбопытствовал парнишка, занимавшийся тем, что соскребал отпечатки пальцев со стен.

Мариша потупилась и начала переступать с ноги на ногу, поглядывая на меня.

– Понимаете, – начала она и тут же закончила: – Нет, вы, наверное, не поймете.

Такое вступление несколько подготовило милиционеров к тому, что им предстояло услышать, но все-таки не до конца.

– Мама моя, – пробормотал Доронин и присел, когда Мариша закончила рассказывать ему о своей выходке. – Кто же вам позволил ставить ловушки на живых людей?

– А чего они... – скандальным голосом начала Мариша, но не договорила, потому что не смогла сформулировать того, что «они» должны были сделать, чтобы она не ставила на них ловушки.

– Дело было так, – начал Доронин, – ваш Рудик пришел сюда, как и все прочие, дверь должна была быть открыта или он знал того, кто ему ее открыл, потому что его присутствие не вызвало у Рудика ни тени подозрения, что дело нечисто. Затем он зашел в дом, и тут на него посыпались камни и свалился чугунок, в который вы их запихали. Убийца шел сзади и потому не пострадал, но он испугался, что на шум камнепада выбегут соседи, или посчитал Рудика мертвым, но ушел и не стал добивать его. Теперь вся надежда на вашего знакомого: если он выживет или хотя бы придет на время в себя, то сможет рассказать нам, кто же его пригласил в эту квартиру.

– А если нет? – жалобно спросила я.

– Тогда у нас будет три трупа вместо двух, – щедро поделился со мной своими соображениями Доронин, а я пожалела, что затеяла этот разговор.

– А что с моим ножом? – спросила Мариша. – Отпечатки на нем мои?

– Нет, – неохотно признался Доронин. – Отпечатки женские, но не ваши.

– Советую вам проверить жену Никиты, ее отпечатки помогут вам на многое раскрыть глаза, – доброжелательно посоветовала Мариша, упорно не замечая, какими глазами на нее смотрит Доронин.

– Мы разберемся, – пытаюсь удержать руки на месте, нервно проскрежетал несчастный Доронин.

– Очень надеюсь, – ослепительно улыбнулась ему Мариша, и после этого милиция на редкость быстро свернула свою аппаратуру и удалилась.

– Что будем делать? – задала я традиционно русский вопрос.

– Надо ехать к Мишке. Он тот еще фрукт и, если к нему пожалует милиция, вполне может им ничего не сказать просто из-за врожденной вредности.

– Какие-то они у тебя все странные, – не удержалась я от критики. – Вредничают, словно дети малые. Может, они недоразвитые?

Спрашивать этого не стоило, так как Мариша немедленно кинулась на защиту своих приятелей.

– Посмотрела бы на своих, – обиженно сказала она. – Урод на уроде сидит и уродом погоняет.

Это было не совсем правда, но тем не менее так близко к ней, что я решила тоже обидеться.

– Это ты загнула, – заявила я. – Среди них попадались вполне приличные.

– Ну да, – ехидно отреагировала Мариша, – если смотреть на них ночью и при свете 20-ваттной лампочки.

Это тоже была правда, я не знала, что возразить, но тут вспомнила про одно немаловажное обстоятельство и сразу же бросилась в атаку:

– Зато они не мрут словно мухи у меня на пороге, а твои только этим последнее время и занимаются.

Мариша открыла рот и спустя минуту, так и не проронив ни слова, снова его закрыла. Тема себя исчерпала. Мы навели некое подобие порядка у Мариши в прихожей и отправились ко мне. Дина встретила нас радостными воплями, а может быть, она просто орала от голода или ругала нас за очередную отлучку, я плохо разбираюсь в кошках.

– Диночка, моя красавица пушистая, – заворковала Мариша. – Она прокатится на поезде и будет вести себя в нем, как хорошая кошечка.

– Ты и ее собираешься тащить? – ужаснулась я. – Ты представляешь, какие это будут хлопоты? В гостиницу нас не пустят, придется останавливаться у кого-нибудь из знакомых. А к кому мы сможем пойти да еще с твоей Диной в придачу?

– Об этом тебе совершенно не нужно волноваться, – успокоила меня Мариша. – Мы проживем у Мишки на квартире.

– Час от часу не легче, – заголосила я. – Она же наверняка опечатана или еще что-нибудь в этом духе. Или родители ее сдали. И даже если все в порядке, то как ты собираешься в нее попасть?

– Квартира у него шикарная, – словно и не слыша моих стонов, мечтательно продолжила Мариша. – Я там была всего пару раз, но думаю, что тебе понравится, а мне после моих визитеров будет хорошо в любом месте, где про меня никто не будет знать, что я именно там.

Я немного подумала и признала, что Мариша, безусловно, права. Поэтому, навестив находящегося по-прежнему в бессознательном состоянии Рудика, мы поняли, что нас в городе ничего не держит.

– Скажите, – насадала Мариша на симпатичного врача с густыми и пышными усами и бородой, занимавшими у него значительную площадь лица, – вы точно уверены, что ваш больной в себя не придет?

Врач, видимо, не привык к настолько откровенным вопросам, потому что растерялся и сказал напрямик, чего обычно их брат делать избегает:

– Могу поручиться с практически стопроцентной гарантией, что он в себя придет не раньше, чем через пару суток, если вообще придет. Он очень плох, и удивительно, что вообще жив.

– Значит, он может и не выжить? – бесхитростно спросила Мариша.

Врач внимательно глянул на нее и пришел к выводу, что правда ее не убьет.

– Такая вероятность существует, – сказал он и поспешно удалился.

– Видишь, как все отлично складывается, – попыталась ободрить я Маришу. – Съездим к Мишке, поговорим с ним, а тем временем Доронин найдет свидетелей, которые видели, кто заходил в твою квартиру, или Рудик придет в себя. Надо только попросить Доронина, чтобы он похлопотал по своим каналам, чтобы тебе в Москве дали разрешение на свидание с Мишкой.

Мариша от моих слов еще больше помрачнела и идти к Доронину наотрез отказалась.

– Ты что! – принялась увещевать я ее. – Нельзя уезжать из города, не попрощавшись с ним и не заручившись его согласием. Ты ведь можешь ему понадобится, и где он будет тебя тогда искать? Если ты не хочешь идти к нему, то я схожу сама.

– Не вздумай, – снова ударила в слезы Мариша. – Разве ты не знаешь нашу милицию? Доронин меня никуда непустит, потому что не положено. Он скажет, что они сами побеседуют с Мишкой, но я-то хорошо изучила своего бывшего и знаю, что им он ничего не скажет. Мне надо самой с ним поговорить. А если мы просто уедем на пару дней, то Доронин и не узнает. И потом, чего ты-то волнуешься, ведь ты почти ни при чем.

– Вот именно, почти, – горько сказала я. – Но чувствую, что, судя по тому, как разворачиваются события, скоро я буду очень даже при чем.

Я даже не подозревала, насколько пророческими окажутся мои слова, а если бы хоть капельку подозревала, то ни за что на свете не согласилась бы ехать вместе с Маришей.

Мы купили два билета на следующий день на Р-200, потому что меня в поездах всегда мутило, а этот был самым быстрым и время в пути у него должно быть самое короткое, если судить по формулам из школьной арифметики. Поезд был загружен весьма основательно, но почему-то почти исключительно одними старичками и старушками.

– У пенсионеров проезд бесплатный, вот они и пользуются самым дорогим поездом из нефирменных, – конфиденциально сообщила мне Мариша с таким видом, словно посвящала в великую тайну бытия.

Но меня интересовало другое.

– Здесь должна быть такая штука, которая показывает скорость, с какой мы будем двигаться, – волновалась я, пускаясь на ее поиски.

Наконец я ее нашла и всю дорогу не отлипала от нее, предоставив Маришу компании симпатичных старушек, которые использовали ее исключительно хорошую физическую форму на все сто. Дину мы записали в сумку и билета на нее не брали; узнав про это, старушки нашего купе проявили редкую и обычно для пожилых людей не свойственную предприимчивость. Предложения передвинуть баул, открыть или закрыть окно, принести чай или сходить к проводнице, чтобы узнать, когда прибываем, сыпались на бедную Маришу, как орехи из дырявого мешка. Когда она в очередной раз пролетела мимо меня, мне даже стало ее жалко.

– Скоро им принесут обед на подносике, и ты сможешь передохнуть, – утешила я ее.

– Ты уверена? – возликовала Мариша. – А то я больше не могу. Когда его принесут?

– Через часик.

– Часик я не выдержу, – простонала Мариша. – Они меня измучили, но если я пошлю их подальше с их требованиями, то они начнут скандалить из-за Дины. Удивительно неприятные бабки нам достались в соседи. То им дуется, то им жарко, то снова дуется. Тоже мне четверка пожилых интеллигенток. Представляешь, едут в Москву только для того, чтобы посетить Третьяковку. Тебе бы такое в голову пришло? Мало им Эрмитажа и Русского музея. И еще все время стонут, что, должно быть, это последний раз, когда они выбрались все вместе, здоровье у них, видите ли, уже не то. Как же, они нас всех переживут, у них еще коммунистическая закалка. И еще судачат про дочку своей подружки Ларочки, к которой и едут. Представляю, как несчастная женщина будет рада узреть всю четверку у своего порога. Как подумаю, так

на душе легче делается: я с ними всего несколько часов промучаюсь, а той бедняге несколько дней терпеть.

Весь час Марина продолжала свои усилия по созданию комфорта для четырех бабулек, потом нам дали обед. Мы с Маришей слопали копченую колбасу с булочками, а Дина от булочек отказалась, скривившись, съела кружочек колбаски, зато отдала должное минеральной воде и йогурту.

– Чем вы обычно ее кормите? – спросила одна из старушек, наблюдая за тем, как жадно Дина лакает минералку из пластмассового блюдечка.

Вопрос застал нас с Маришей врасплох. Особых гастрономических пристрастий Дины никто никогда не замечал, она пожирала все, что попадалось ей на пути, если это хоть отдаленно напоминало мясо или рыбу. При этом ее челюсти работали со скоростью молотилки в разгар страды.

– Кошки предпочитают «Вискас», – со знанием дела просветила нас пенсионерка.

Мы с ужасом сжались в своих креслах, предчувствуя тот миг, когда нас отправят на поиски этого самого обожаемого кошками «Вискаса», но судьба над нами смилостивилась, и разговор перешел вообще на животных. Тема эта была благодатная, и ее хватило до конца поездки. На вокзале мы радостно попрощались с пожилыми дамами и отправились к метро, не обратив ровным счетом никакого внимания на их намеки относительно того, что у них слишком много вещей для четверых пожилых женщин.

– В следующий раз берите поменьше, – участливо посоветовала им на прощание Мариша, и мы сбежали.

– Ловко мы, – порадовалась я. – Куда дальше?

– Нам нужна рыжая линия.

– ???

– Линия оранжевого цвета, – снисходительно пояснила Мариша. – Я не помню, как называлась та улица, но она была возле ВДНХ, а это прямо по рыжей линии.

– Надо сесть на кольцевую и доехать до любой станции этой ветки, – предложила я.

Мариша уставилась на меня так, словно видела меня впервые. Или, во всяком случае, обнаружила во мне черты, о которых раньше не подозревала.

– Точно! – восхищенно сказала она. – Так мы всегда и делали. А ты как сообразила?

Я скромно начала колупать кроссовкой мрамор пола и мало в этом преуспела. До ВДНХ мы добрались уже через сорок минут, по меркам столицы очень даже быстро. Но дальше произошла заминка. Конечно, мне бы следовало догадаться об этом заблаговременно, зная, что Мариша адресов в голове не держит, а ориентируется, используя минимум сохранившейся информации. Поэтому выводы подчас делает самые неожиданные и весьма далекие от истины.

– Тут должен быть ларек с игрушками, – тоном оскорбленной добродетели сказала Мариша. – И где он? Нет его.

– Может, его перенесли в другое место? – предположила я.

– И как я должна, по-твоему, теперь ориентироваться? – продолжала возмущаться Мариша. – Это просто свинство, в конце концов.

Наконец она согласилась считать прилавок с цветами за точку отсчета и, сделав какие-то одной ей ведомые поправки, повела меня во дворы. Мы миновали уже несколько зеленых дворишков, когда в мою душу закралось подозрение.

– Помнится, ты мне говорила, что Мишка живет совсем рядом с метро, а мы прошли уже довольно долго, ты уверена, что идешь правильно?

– Откуда я знаю? – огрызнулась Мариша, приведя меня своим ответом в сильнейшее недоумение. – Они тут понастроили всяких детских площадок, а раньше были гаражи.

– Гаражи мы уже прошли, – стараясь быть терпеливой, сказала я.

– Что же ты молчала? – взвилась Мариша. – Немедленно веди меня к ним, я ужасно устала и хочу в ванну.

Не совсем улавливая связи между гаражами и ванной, я послушно отвела ее к ним.

– Вот они! – умиленно воскликнула Мариша. – А вот Мишкин дом, – продолжила она, повернувшись на четверть оборота направо и указывая на крепкий пятиэтажный дом.

Мы вошли в первый, оказавшийся на поверку последним, подъезд, и начался новый виток наших мучений, связанный на этот раз с поиском нужной квартиры. Какой-то негодяй сделал основательный ремонт на лестнице, закрасив тем самым все Маришины ориентиры. Дело представлялось мне совсем уж безнадежным, ломиться в квартиры к людям с требованием сказать, где тут жил Мишка, который сейчас в тюрьме, я бы не согласилась даже ради спасения всего человечества. Но, к счастью, Мариша углядела чем-то знакомую ей дверь. Как она ее вычислила, не помня номера, ума не приложу, на этом этаже все двери были обиты совершенно одинаковыми деревянными планками, покрытыми одним и тем же лаком.

– Думаю, что это тут, – несколько менее уверенно, чем мне бы хотелось, произнесла она и открыла дверь прежде, чем я успела продумать все последствия взлома чужого жилья.

Квартира была большая, спору нет, но шикарной я бы ее поостереглась назвать. Для этого в ней было пустовато. Три огромные комнаты, оклеенные дорогими обоями, и с окнами, которые не пропускали ни одного звука с улицы, но из мебели имелся только прожженный в нескольких местах и расковырянный в остальных диван и десяток офисных стульев, расположившихся вдоль стены. На кухне было еще хуже, тут не сохранилось вообще ничего. Зато ванная комната и туалет поражали своим великолепием. Ванна была вмурована в возвышение, облицованное переливающейся черной плиткой, и напоминала перламутровую раковину. А туалет вообще словами описать невозможно. Правда, полотенце тут не было, равно как и мыла, зубной пасты и прочих нужных вещей.

– Похоже, что твой бывший здорово поистратился на адвоката, – заметила я, обойдя всю квартиру. – Или на наемного убийцу.

– Думаешь, дело в этом? – недоверчиво спросила Мариша. – Может быть, его обокрали?

– И вынесли абсолютно все? Опомнись, если эти комнаты были обставлены хотя бы наполовину, то, чтобы вывезти всю мебель, потребовалось бы несколько фургонов и бригада грузчиков. Соседи бы забили тревогу.

– А вдруг нет, – не унималась Мариша. – Тогда этот некто может в любой момент снова нагрянуть, и кто его знает, какие у него возникнут ассоциации при виде нас с тобой.

Я почувствовала острое желание придушить Маришу, но подавила его и отправилась в душ, а потом за продуктами и электроплиткой. Вернувшись обратно, я позвонила в дверь, но ответа не было. Я ужаснулась и позвонила еще и еще раз, но результат по-прежнему оставался нулевым. Наконец, когда я уже устала звонить и стала ругаться, дверь открылась, и Мариша радостно воскликнула:

– Дашка, ты, что ли? А я тут трясусь от страха и боюсь открыть. Хорошо, что ты голос подала, а то бы я так и не открыла.

Я сердито отпихнула ее с порога и прошла в кухню.

– Что это? – удивилась Мариша, разглядывая мое приобретение.

– Не знаю, – откровенно призналась я. – Продавец уверял, что оно работает не хуже плитки, только не на газу или электричестве, а на фирменном топливе, которое тут же прилагается. Его должно хватить на неделю. И стоит это чудо ровно в десять раз меньше, чем самая дешевенькая электрическая плитка.

Мы залили это самое фирменное топливо, которое здорово пахло чем-то родным и до боли знакомым, и подожгли его.

– Как-то раз я была в одном доме, там жили два славных старичка, и вот у них тоже было такое чудо, они его называли примус, – и мы тогда в самом деле приготовили на нем бульон из кубиков, но чуть не спалили весь дом, – задумчиво произнесла Мариша.

– Это очень познавательно, – несколько напыщенно произнесла я, – но ты должна понимать разницу между обычным керосином и фирменным топливом.

Сама я этой разницы не усматривала, но Маришу убедила. Она с умным видом поджала губы, затрясла головой и примирительно заметила:

– В конце концов, он работает, а не все ли равно, как его называть.

Мы поджарили яйца на этом чуде прогресса, залили их кетчупом, а Дине предложили сырого фарша, чему она здорово удивилась, а наудивлявшись на угощение, потребовала своей порции яичницы с соусом. Она совершенно четко знала, что бывает с кошками, которые по глупости накидываются на первое, что им предлагают. Поэтому у нее не возникло ни малейшего сомнения в том, что самые лакомые кусочки мы приберегли для себя, а ей под видом заботы о ее здоровье попытаемся всучить какую-нибудь гадость. Поэтому она моментально смела яйца, залитые жгучим кетчупом, и на ее морде было написано торжество от своей находчивости. «Что, не получилось? – отчетливо читалось у нее в глазах. – Сами ешьте эту дрянь». Я устыдилась и выбросила остатки фарша в мусоропровод.

– Где будем спать? – покончив с едой, осведомилась Мариша так, словно у нас был выбор. Чтобы не разочаровывать ее, я ответила:

– В ванне будет удобнее всего.

Мариша моего ехидства не заметила и приняла мои слова за чистую монету.

– А что, – задумчиво сказала она, – пожалуй, это неплохой вариант. В ванной нет окон, а значит, мы сможем всю ночь напролет жечь свет, не опасаясь того, что его заметят с улицы.

Для меня тот факт, что этого следовало опасаться, являлся новостью, и не скажу, что она была из разряда тех, которые стремишься узнать.

– А в чем дело? – осторожно спросила я у Мариши. – Что-то не в порядке с нами или с квартирой? Помнится, ты сама говорили, что это самое надежное место, что тут тебя навязчивый маньяк искать не будет.

– Дело не в нем, – вздохнула Мариша. – Мишка давно собирался продать эту квартиру, так что, может быть, он это уже сделал.

Хорошенькое дело! Теперь нам еще грозит появление новых жильцов этой квартирки, и появиться они могут абсолютно в любое время суток. Например, среди ночи. И придется объясняться с ними всю ночь напролет, почему мы оказались в их персональной ванне и зачем притащили с собой кошку и примус.

– Куда ты? – всполошилась Мариша, видя, что я начала поспешно кидать свои вещи обратно в сумку.

– Ноги моей не будет в этом доме! – злобно пояснила я ей. – Мало мне проблем с тобой, так ты еще хочешь мне подкинуть каких-то неведомых жильцов, с которыми я вообще не знакома и знакомиться не желаю.

– Да погоди ты, – принялась урезонивать меня Мариша. – Может, все не так уж и страшно. По идее, новые жильцы должны были бы сменить замки, а они этого не сделали, значит, мы можем спать спокойно. Квартира еще не продана.

Я немного поразмыслила и была вынуждена согласиться с Маришей. В самом деле, все нормальные люди, а тем более люди, способные купить такую квартирицу, должны в первую очередь позаботиться о сохранности своего приобретения. Если они этого не сделали, то либо их нет поблизости, либо их нет вообще в природе. Оба варианта меня вполне устраивали, и я малость успокоилась. Как оказалось – рановато. Потому что не успели мы перетащить в ванную диван, втиснуть его между умывальником и душевой кабинкой и улечься на него, чтобы

немного передохнуть от трудов праведных, как в дверь зазвонили. Мы вздрогнули и рывком уселись на кровати.

– Надо открыть, – предложила я и тут же решила не открывать ни под каким видом.

– Лучше затаиться, – сказала умную вещь Мариша, что случилось с ней в первый раз за последние несколько дней.

Мы с Диной послушно затаились. Дина для большей безопасности проскакала в душевую кабинку и там затихла.

– Хорошо, что мы закрыли дверь на все замки, – сказала я, слезла с дивана и сделала пару шагов в направлении входной двери.

– Ты куда? – возмутилась Мариша. – Ведь договорились же носа не высовывать.

– Разве ты не хочешь посмотреть, кто к нам ломится? – парировала я и, стянув Маришу с дивана, потащила ее к двери, справедливо рассудив, что даже если за дверью стоят и трезвонят Мишкины родители, то я их все равно не узнаю, а вот Марише может повезти больше.

– Я впервые вижу этих людей, – шепотом поставила меня в известность Мариша, осторожно выглянув через замочную скважину.

Я тоже приникла к двери и была вынуждена признать, что на Мишкиных родителей двое молодых людей, толкущихся возле нашей квартиры, явно не тянули, даже если учитывать акселерацию и прочие факторы прогресса. Обоим было лет по двадцать, одеты они были подчеркнуто аккуратно, в пиджаки и накрахмаленные рубашки, из ворота которых торчали их цыплячьи шеи. В руках ребята держали черный кейс, причем кейс у них был один на двоих и они держали его одновременно с двух сторон. Мы с Маришей вели свои переговоры конфиденциальным шепотом, а ребятам такая мысль в их юные головы почему-то не пришла, и они говорили достаточно громко, чтобы мы могли разобрать одно слово из трех в их беседе.

– Василий, – укоризненно обратился высокий парнишка к другому – темноволосому и коротко стриженному, – ты случайно не перепутал номера квартир?

Нас с Маришей такой поворот дела устроил бы на все сто, но увы, стриженный Василий нас разочаровал. Порывшись в карманах своего пиджака, он извлек на свет божий донельзя помятую бумажку, сверился с ней и сказал:

– Все правильно, Алик, нам сюда.

– Замок заело, – с досадой отозвался Алик, тщетно пытаясь повернуть ключ в замке, в котором мы опустили собачку так, чтобы снаружи попасть было невозможно, – надо звать слесаря. А может быть, ключ вообще не подходит, тогда тем более надо звать слесаря.

Это одинаково пришлось не по душе и нам, и Василию, который задумчиво сказал:

– Где же его искать в конце рабочего дня? И что с ним делать, если мы его даже и найдем.

Он ведь наверняка уже лыка вязать не будет, я бы на его месте точно не вязал, – мечтательно прибавил он.

– Придется отложить до утра, – с сожалением сказал Алик. – Договоримся с Митрофаным, он свой человек и поможет. А постороннего слесаря совсем не обязательно звать.

– Конечно, – поддержал его Василий. – Кто его знает, как дело обернется.

С этими словами они удалились.

– Уф! – вздохнули мы с облегчением, когда за ребятами захлопнулись двери лифта. – Пронесло.

– Они похожи на агентов, – признала Мариша очевидный факт. – Должно быть, Мишка и в самом деле затеял продажу квартиры.

– Хорошо, а нам что делать? Они же снова придут завтра. Может быть, уйти из дома на это время? – предложила я.

– Уйти, конечно, можно, – согласилась Мариша, – но сколько же мы будем бродить. А вдруг слесарь тут чего-нибудь напорочит, и мы не сможем попасть обратно, когда вернемся.

И потом, как быть с Диной? Но, к счастью, у меня есть одна идея, которая может нам помочь избежать их визита.

При этих Маришиных словах меня кинуло в холод, и я уже не сомневалась, что услышу нечто из ряда вон выходящее. Так оно и оказалось.

– Надо поменять номера квартир, – прошептала мне на ухо Мариша.

– ???

– Таблички с номерами квартир, – пояснила Мариша. – Например, с нашей повесить на соседнюю, а ту, в свою очередь, еще дальше.

– А хозяева? – нашлась наконец я, переварив услышанное.

– Сейчас лето, наверняка никого нет дома, – утешила меня Мариша. – Так что им не повредит. К тому же, скажи мне, ты часто смотришь на свою табличку? То-то и оно, что вообще никогда. Смотрят только люди, которые в первый раз у тебя в гостях, а кто во второй, тот уже тоже не смотрит. Так что вреда особого никому не будет от того, что мы их поменяем.

– Меня не вред беспокоит, – в полном отчаянии выкрикнула я, – а то, что нас могут сцапать, когда мы будем ковыряться с табличками! Как мы объясним, что делаем с ними?

– Очень просто, – невозмутимо произнесла Мариша. – Я возьму тряпку и мел, а ты тряпку и ведро с водой, и если кто-нибудь из хозяев выглянет, то ты будешь делать вид, что моешь стены, а я – что чищу их таблички. Скажем, что работаем в фирме «Добрые руки», и какой-нибудь местный бизнесмен оплатил эту уборку в долларах. Вот мы и стараемся. Но ручаюсь, что никто не выглянет.

И не успела я оглянуться, как оказалась на лестничной площадке с тряпкой в руках, где, томимая мрачными предчувствиями, принялась усердно тереть ближайший кусок стены. Мы нашли на антресолях (тоже на удивление пустых) обрубок стремянки, который был еще достаточно крепким для того, чтобы выдержать Маришу, а она была достаточно рослой, чтобы дотянуться до верхнего косяка дверей, где крепились таблички с номерами квартир. С первыми двумя квартирами все прошло без сучка, без задоринки, но когда Мариша приступила к откручиванию винтиков на табличке третьей квартиры, послышался шум поднимающегося лифта, и из него вышел седой, но еще крепкий дядечка. О том, что он еще в хорошей форме, свидетельствовали две огромные хозяйственные сумки, которые мне бы лично при всем желании даже с места не сдвинуть. Я почувствовала, что падаю в обморок, и с усиленным рвением принялась за стены, ожидая грома и молнии. Но гром не грянул, вместо этого дядечка дружелюбно произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.